

Библейско-богословская коллекция
Гомилетическая серия

Барсов Н.

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ДОГМАТИКО-
ПОЛЕМИЧЕСКОЙ
ПРОПОВЕДИ В IV ВЕКЕ
НА ВОСТОКЕ**

Вера и разум, 1886, т. I, ч. I,
с. 381-413, 446-469, 497-523

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОГМАТИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПРОПОВѢДИ

ВЪ ІV ВѢКѢ НА ВОСТОКѢ.

Въ своемъ отношеніи къ религіозному ученію человекъ проходитъ три ступени: первоначальное *устройство* или принятіе и признаніе ученія сердцемъ (Римл. X, 10: сердцемъ вѣруетъ); *разумніе* вѣруемаго, по мѣрѣ дарованной отъ Бога силы разумнія (вѣра разумѣвающая) и большая или меньшая степень *осуществленія* и примѣненія ученія къ жизни и практической дѣятельности, иначе — жизнь по вѣрѣ. Соотвѣтственно этому и проповѣдь имѣетъ три главныхъ вида. Въ Церкви первенствующей такими видами были: *глаголанія* — проповѣдь огласительная, требовавшая „вѣры во евангеліе“, т. е. предварительнаго признанія Божественнаго происхожденія и истинности проповѣди евангельской, прежде и помимо изученія и изслѣдованія самаго ученія; *дидакалія* — проповѣдь, сообщавшая познаніе и возможное разумніе ученія христіанскаго; и *маѳитія*, иначе профитія — проповѣдь, научавшая осуществленію ученія Христова въ жизни (Мѳ. XXVIII, 20: учаще — μαθητεύσατε — блюсти вся елика заповѣдахъ) ¹⁾. Эти три главныхъ направленія или вида проповѣди проходятъ чрезъ всю исторію христіанскаго учительства, видоизмѣняясь лишь и осложняясь въ

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ сочиненіи: „Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка)“ Н. Барсова. Сиб. 1885, а также въ дополнительной къ этому сочиненію его-же статьѣ: „Спорные вопросы изъ исторіи первобытной христіанской проповѣди“ („Странникъ“, за февраль 1886 г.).

самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Тѣже, въ сущности, три вида проповѣди находимъ мы и въ четвертомъ вѣкѣ, самымъ блестящемъ и славномъ періодѣ христіанской проповѣди. Проповѣди глоссоалійной перваго вѣка соотвѣтствуетъ здѣсь *нравственно-аскетическое* учительство св. отцовъ—аввъ египетскихъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, препод. Исаи и другихъ. Проповѣдь дидаскаліяную въ этомъ вѣкѣ представляетъ *догматико-полемическое* церковное учительство, составляющее специальный родъ проповѣди нѣкоторыхъ знаменитыхъ церковныхъ пастырей и большую или меньшую составную часть учительства почти всѣхъ извѣстныхъ проповѣдниковъ IV вѣка; наконецъ первобытной маѳитіи или профитіи соотвѣтствуетъ *ораторски-практическое* направленіе проповѣди величайшихъ церковныхъ учителей всѣхъ временъ, каковы были: Василій Великій, Григорій Нисскій, Григорій Богословъ, Астерій Амаційскій и другіе.

Какъ аскетизмъ св. отшельниковъ египетскихъ былъ плодомъ религіознаго энтузіазма и въ значительной степени характеризуется тѣми чрезвычайными благодатными дарованіями, какія присущи были Церкви первобытной—даромъ прозорливости, чудотвореній, откровеній и видѣній (о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ историки IV вѣка), такъ и учительство св. отцовъ—аввъ, подобно проповѣди первобытной, направляется въ сторону религіознаго чувства, духовнаго созерцанія, такъ называемаго на аскетическомъ языкѣ, „умнаго или духовнаго дѣланія“, больше, чѣмъ въ сторону логической рефлексіи. Ея главные предметы: жизнь души въ Богѣ, благодать въ ея внутреннемъ дѣйствіи на душу и въ соотношеніяхъ къ личной самодѣятельности и свободѣ челоѣка, внутренніе таинственные процессы духовно-нравственнаго бытія разумно свободной челоѣческой личности, такъ называемые падежи совѣсти, способности нравственнаго самоисправленія и самоусовершенія. Независимо отъ тѣхъ внутреннихъ психическихъ основаній, которыя сообщали такой характеръ проповѣди, проистекая изъ условій и характера аскетизма, немало способствовали этому характеру проповѣди св. отцовъ—аввъ и условія внѣшнія. Въ удаленіи отъ міра, отъ всѣхъ обычныхъ условій общественно-

сти гражданской, не было повода и основанія трактовать церковнымъ учителямъ этой категоріи о чемъ-либо другомъ, какъ только о внутреннемъ психическомъ состояніи вѣрованія, дѣховныхъ и внѣшнихъ его проявленій: монашество жило еще въ большей отрѣшенности отъ условій жизни общественно-гражданской, чѣмъ въ какой жила болѣе или менѣе Церковь первобытная среди окружающаго ее міра языческаго.

Другой характеръ должна была имѣть въ IV вѣкѣ дѣятельность тѣхъ проповѣдниковъ, которые обращались съ своимъ учительнымъ словомъ къ гражданскому обществу имъ современному. Въ это время, когда христіанство стало религіей государственной, въ составъ Церкви вошли болѣе или менѣе всѣ чины государства и люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ профессій, обладавшіе болѣе или менѣе всѣмъ образованіемъ своего времени. Для Церкви возникла прежде всего потребность *выяснить* религіозное ученіе свое по возможности до уровня интеллектуальнаго развитія классически образованнаго общества; наступило время научнаго истолкованія истинъ вѣры. Теперь „еллины премудрости ищутъ“ и требуютъ ея отъ христіанства уже не какъ внѣшніе, по отношенію къ Церкви пререкатели и совопросники, но какъ вѣрующія чада Церкви, желающія, однако, возможнаго пониманія истинъ вѣры. Поэтому проповѣдникамъ недостаточно было излагать вѣру Церкви, но нужно было и изъяснять ея ученіе, какъ міровоззрѣніе, имѣющее все право стать на мѣсто античнаго міровоззрѣнія философскаго. Христіанство самими отцами Церкви начинаетъ называться „нашей *философіей*“ (или, какъ передаютъ это слово въ святоотеческихъ твореніяхъ русскіе переводчики—*любомудріемъ*). Затѣмъ древній лжеименный гносисъ возродился въ это время въ новой формѣ ереси, имѣвшей тотъ-же рационалистическій характеръ спекулятивнаго мышленія о предметахъ вѣры. Съ нимъ приходилось вѣдаться и въ проповѣди и, конечно, бороться съ нимъ болѣе или менѣе его-же оружіемъ, т. е. оружіемъ разума и знанія. Церковь сознала, что, какъ выражается Василій Великій, „*діалектика—стѣна и ограда для догматовъ*“. Такъ возникла вторая разновидность проповѣди IV вѣка—проповѣдь догматико-полемиическая.

Третій видъ проповѣди IV вѣка—проповѣдь ораторски-практическая. Съ внѣшнимъ принятіемъ христіанства всѣмъ греко-римскимъ обществомъ отнюдь не упразднился античный строй частныхъ и общественныхъ нравовъ и бытовыхъ и гражданскихъ отношеній. Гармонія между вѣрованіемъ и жизнію, которой требовало христіанское ученіе, и между самими чадми Церкви не могла установиться легко и скоро, и могла быть достигнута въ возможной мѣрѣ лишь постоянными и настойчивыми обличеніями, увѣщаніями и руководственными практическими совѣтами церковныхъ учителей. Такого рода учительство было тѣмъ необходимѣе, что кромѣ давняго навыка къ языческому строю жизни, быта и отношеній, въ самой природѣ людей не переставалъ, какъ и всегда, дѣйствовать инъ законъ, противвоющъ законамъ нравоученія христіанскаго. Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія въ этомъ направленіи, проповѣдники IV вѣка усвоиваютъ своему учительству ораторскій способъ рѣчи, отчасти принимая къ свѣдѣнію и исполненію наставленія античной науки объ ораторствѣ, и такимъ образомъ паренетическая или увѣщательная проповѣдь IV вѣка получаетъ характеръ *практически-ораторскій*.

Въ настоящій разъ мы займемся представителями въ IV вѣкѣ проповѣди догматико-полемиической, къ числу которыхъ принадлежатъ: Евсевій—епископъ Кесарійскій, св. Аѳанасій Великій, Евсевій—епископъ Эмесскій, святые Евстаѳій и Мелетій—епископы Антіохійскіе, Титъ—еп. Бострійскій, Маркъ Діадохъ, св. Іаковъ—еп. Низибійскій, св. Кириллъ—еп. Іерусалимскій и Геласій—еп. Кесарійскій. Догматическія проповѣди другихъ св. отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка, которыхъ мы считаемъ, по преобладающему характеру ихъ проповѣдей, представителями нравственно-аскетическаго и ораторски-практическаго типовъ проповѣди, и къ числу которыхъ принадлежатъ знаменитѣйшіе изъ церковныхъ учителей IV вѣка,—въ настоящій разъ не будутъ предметомъ нашего изученія, такъ какъ могутъ быть должнымъ образомъ оцѣнены, а потому и должны быть разсматриваемы въ общемъ составѣ проповѣднической дѣятельности этихъ учителей. Мы имѣемъ въ виду въ настоящій разъ не специальное изученіе проповѣднической дѣятельности каждаго изъ нихъ,

которое потребовало бы ряда монографій, а лишь такое, которое могло бы, при совершенномъ отсутствіи въ нашей литературѣ исторіи проповѣди IV вѣка, ориентировать читателя въ этой малоизвѣстной у насъ доселѣ области ¹⁾.

Евсевій, епископъ Кесарійскій ²⁾.

Ни происхожденіе, ни мѣсто и время его рожденія съ точностію не извѣстны. Одни относятъ время его рожденія къ

¹⁾ Для желающихъ изучить специально каждаго проповѣдника, мы для каждаго изъ нихъ въ соответственныхъ мѣстахъ указываемъ всю настоящую литературу о немъ. Для всего-же вообще этого отдѣла рекомендуемъ въ особенности *Histoire generale des auteurs ecclesiastiques*, par Ceiller, ed. 1860—1861 г.

²⁾ *Источники и пособія для изученія его жизни и твореній.* Сочиненія его самого; *Аванасія Великаго*: „о постановленіяхъ собора Никейскаго“ § 3; *его-же*—„о соборахъ“ §§ 13 и 17; *его-же* „апологія противъ Аріана“ § 77 и 78; *Иеронимъ*: каталогъ гл. 81 (по русск. изд. твор. Иеронима, т. V стр. 330), также въ „послانیяхъ“ и въ „апологіи противъ Руфина“ кн. I, §§ 8, 9, 11; въ дѣяніяхъ собора Никейскаго II—дѣян. 5; *Епифанія* Кипр. *haeres* 68, § 7; *Сократа* Цер. Ист. кн. I, гл. 8, 23, 24, кн. II, гл. 4, 20, 21, кн. III, гл. 23; *Созомена* Ц. Ист. I, 1, II, 18. *Теодорита* Ц. Ист. I, 11, 20, 21. *Филосторія* Церк. Ист. I, 2; *Фотія* bibliotheca; cod. 9—13, 27, 38, 118, 127, 144; *Suidas* in artic. *Ἐυσεβίου*. *Напке*—de Busant. rer. script. graec. p. 1—130; *Du-Pin* biblioth. des antiqu. ecclesiast. t. II, p. 159 sq. *Tillemont* memoires eccles. t. VIII p. 39. *Саве* histor. litter. t. 1, p. 846; *Ceiller*, *histoire gener. des auteurs*, t. IV, p. 202 (по изд. 1860 г. t. III, p. 168); *Oudin* descript. ecclesiast. t. 1, p. 846; *Fabricii* bibl. graec. t. VII, p. 335.—*Aug. Closs*: des Eusebii, Bischofs von Caesarea Kirchengeschichte. Stuttgartard und Leipzig, 1840. D-r *Stein*: Eusebius, Bischof v. Caesarea, Würzburg, 1859. На русскомъ языкѣ: *Розанова*: „Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской“ (въ Чтеніяхъ Москов. общества любителей Духовн. Просвѣщенія и отдѣльно.—Москва 1881 г.). *Цвѣткова*: „Обзоръ апологетическихъ трудовъ восточныхъ отцовъ Церкви IV и V вв.“ (въ прибавлен. къ Твор. Св. Отцовъ въ русск. переводѣ, 1873 г. кн. 2). Краткое свѣдѣніе о Евсевіи—при русск. переводѣ его твореній. СПб. 1848. т. 1. Сочиненія Евсевія изданы Минемъ въ 6 т. (*Migne*, *Patrologiae cursus completus, series graeca* t. XXII и слѣд.). Гомилетическія его сочиненія: *Opuscula*—XIV (на лат. яз.) изданы *Сирмондомъ*, Paris 1643 г., перепечатаны Галландомъ въ *bibliotheca Patrum* t. IV, p. 461 sq.—*Oratio in diem Parasceven e duobus codicibus vind. edidit et observationibus illustravit J. C. W. Augusti*, Bonn, 1820. Другія изданія его сочиненій исчислены у Мина и у Преосв. Филарета въ „Истор. ученіи объ Отцахъ Церкви“. Слово при освященіи храма въ Тирѣ помѣщено имъ въ своей исторіи. На русскомъ языкѣ изданы лишь нѣкоторые его сочиненія С.-Петербургской духовной академіей въ 1848 г. въ двухъ томахъ. Изъ проповѣдей—на русскомъ языкѣ лишь слово на освященіе храма въ Тирѣ въ названномъ изданіи его сочиненій, т. I.

254 году ¹⁾, другіе къ 260—270 гг. ²⁾. Самъ Евсевій называетъ себя ³⁾ современникомъ Діонисія Александрійскаго, который умеръ въ 269 г., слѣдовательно первое предположеніе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ. Одни считаютъ его урожденцемъ если не самой Кесаріи, то Палестины, основываясь на постоянно усвояемомъ ему названіи Кесарійскаго и Палестинскаго, а также на преданіи, которое Θεодоръ Метохита выразилъ въ замѣчаніи: καὶ τοῦ Παμφίλου Εὐσεβίου ἐκ Παλαιστίνης μὲν γένου — „родъ Евсевія изъ Палестины“; другіе, игнорируя замѣчаніе Метохиты, и обращая вниманіе на то, что названіе Кесарійскаго и Палестинскаго, когда идетъ рѣчь о Евсевіи, соединяется всегда съ словомъ „епископъ“, слѣдовательно указываетъ въ Кесаріи мѣсто служенія Евсевія, а не мѣсто его рожденія, считаютъ его пришельцемъ въ Кесарію ради образованія, такъ какъ Кесарія, въ то время столица Палестины, была однимъ изъ центровъ греко-римской гражданской жизни и цивилизаци, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ центровъ христіанскаго образованія и учености, подобно Александріи. По свидѣтельству Сократа ⁴⁾, ученикъ Евсевія Абакій составилъ его біографію; но она не сохранилась до нашего времени. Извѣстно лишь изъ его сочиненій, что онъ, еще задолго до епископства, около 296 г., жилъ въ области Кесарійской ⁵⁾. Затѣмъ въ посланіи къ церкви Кесарійской, отправленномъ имъ во время собора Никейскаго ⁶⁾, Евсевій говоритъ, что формула вѣры, содержащаяся въ этомъ посланіи, есть та самая, которую содержали предшествовавшіе ему епископы Кесарійскіе, которую онъ изучалъ, когда воспринималъ крещеніе, что даетъ основаніе предполагать, что онъ съ дѣтства обиталъ въ предѣлахъ Кесарійской епархіи. Въ Кесаріи существовало еще со временъ Оригена христіанское училище,

¹⁾ См. у Розанова, стр. 5.

²⁾ *Валезій*, одинъ изъ издательей его сочиненій, относитъ его рожденіе къ 260 г., *Тильмонъ*—къ 264, *Паниль* и русскіе переводчики его сочиненій—къ 260—270.

³⁾ Церк. Ист. III, 28: καθ' ἡμᾶς νῆν ἐπισκοπὴν ἐλάττω.

⁴⁾ Цер. Ист. II, 4.

⁵⁾ Жизнь Константина, I, 19.

⁶⁾ Сократа Ц. И. I, 8.

которое во время Евсевія имѣло вѣроятно тоже устройство, какое имѣла школа Александрійская, такъ какъ завѣдывавшій имъ пресвитеръ Памфилъ былъ, по словамъ Фотія, ученикъ начальника Александрійскаго училища Пьерія, а если это Кесарійское училище и не было такъ широко поставлено, какъ Александрійское, имѣло за то при себѣ хорошую бібліотеку, которую блаженный Иеронимъ называетъ божественною; въ ней находились рукописи, обладаая которыми Иеронимъ считалъ-бы себя богаче Креза ¹⁾. Сюда стекались христіанскіе ученые для довершенія образованія и для ученыхъ работъ. Такъ Евсевій упоминаетъ о пребываніи здѣсь съ научною цѣлью епископа Понтійской области Мелетія, котораго, за великое искусство въ словѣ, называетъ медомъ Аттики, котораго никто не могъ превзойти въ многознаніи всякаго рода ²⁾. Онъ-же рассказываетъ ³⁾ о мѣстномъ Кесарійскомъ епископѣ, вѣроятно своемъ предшественникѣ Агапіи, отъ котораго принялъ священство, какъ знаменитѣйшемъ богословѣ, который, подобно ему, проповѣдывалъ Кесарійской паствѣ. Вступивъ въ Кесарійскій клиръ, Евсевій сдѣлался сначала ученикомъ, а потомъ и учителемъ въ Кесарійскомъ училищѣ. Въ знакъ глубокаго уваженія и любви къ Памфилу, Евсевій присоединилъ его имя къ своему, подобно тому какъ Кипріанъ усвоилъ себѣ имя своего христіанскаго учителя Цецилія, *ob amicitiam Pamphili ab eo cognomen sortitus est*, какъ замѣчаетъ Иеронимъ,— и сталъ называться *Εὐσεβίος ὁ Πامφίλου*; каковое названіе и сохраняютъ за нимъ всѣ греческіе писатели (на Западѣ стали называть его *Eusebius Pamphilus* ⁴⁾). Живя въ одномъ домѣ съ Памфиломъ, подъ руководствомъ его, Евсевій изучилъ Платона, Филона и особенно Оригена, къ которому Памфилъ, какъ ученикъ Пьерія Александрійскаго, питалъ особенную привязанность. Въ то время, какъ уже свирѣпствовало Діоклетіаново

¹⁾ О знаменит. мужахъ, гл. LXXV и LXXXI.

²⁾ Церк. Исг. VII.

³⁾ Въ сочиненіи: *adversus Sabellium*, см. Migne, *patrol. curs. compl. t. XXIV*, col. 1059.

⁴⁾ Иеронимъ противъ Руфина, кн. 1: *amator et praeco contubernalis Pamphili*.

гоненіе на Западѣ и повсюду истреблялись христіанскія священные книги, друзья съ особенною заботливостію занимались пополненіемъ своей бібліотеки, въ чемъ имъ помогали св. Аппіанъ, замученный въ 306 г. ¹⁾, въ особенности сочиненіями Оригена, которыхъ Евсевій собралъ сто томовъ ²⁾. Позже (307 г.) они вмѣстѣ, находясь въ темницѣ, писали апологию Оригену и составили первые пять книгъ этой апологіи; шестая написана была однимъ Евсевіемъ позже. Вліяніе Оригена осталось на всю жизнь господствующимъ въ Евсевіѣ. Оно отразилось на всѣхъ его теоретическихъ воззрѣніяхъ, а всего болѣе сказалося въ его экзегетическомъ методѣ, всецѣло Оригеновскомъ, т. е. аллегорически-иносказательномъ, затѣмъ во многихъ заимствованіяхъ объясненія тѣхъ или иныхъ мѣстъ изъ объясненій Оригена, вообще въ компіляціи имъ многого изъ Оригена, хотя у него есть мысли, повидимому, направленные противъ экзегетическихъ воззрѣній Оригена. Такъ онъ говоритъ: „я считаю дерзкимъ и безразсуднымъ дѣломъ—утверждать, что Божественное писаніе ошибается“ ³⁾,—эти слова могутъ быть отнесены къ тѣмъ мѣстамъ бесѣды Оригена, гдѣ онъ совершенно отрицаетъ буквальный смыслъ ветхозавѣтныхъ сказаній ⁴⁾. Не довольствуясь тѣмъ образованіемъ, какое получилъ въ Кесаріи, Евсевій побывалъ и въ другихъ ученыхъ центрахъ того времени: въ Іерусалимѣ, гдѣ изучалъ бібліотеку, основанную во времена Оригена епископомъ Александромъ; въ Антиохіи, гдѣ славились своими научными познаніями пресвитеры Лукіанъ и Дороеей, гдѣ Евсевій сблизился съ Аріемъ и, сдѣлавшимся въ санѣ епископа Никомидійскаго главою арианства, Евсевіемъ, котораго Арій въ письмахъ къ нему называетъ братомъ Евсевія ⁵⁾. Послѣ мученической кончины св. Памфіла (въ 309 г.) Евсевій посѣщалъ Тиръ и Египеть, гдѣ

¹⁾ Евсевій, книга о Палестин. мученикахъ, гл. IV.

²⁾ Геронимъ называетъ его поэтому *bibliothecae divinae cum Pamphilo diligentissimus pervestigator*.

³⁾ Въ сочиненіи: *demonstratio evangelica*. См. Migne, *patr. curs. compl. t. XXIII*, col. 289.

⁴⁾ См. объ Оригенѣ въ нашемъ сочиненіи: „Исторія первобытной христіанской проповѣди“. Спб. 1885, стр. 229—272.

⁵⁾ Θεοδορίτῃ. Π. Η. Ι, 5: ὁ ἀδελφὸς σοῦ.

за исповѣданіе Христа нѣкоторое время находился въ темницѣ, но гдѣ воспользовался также научными сокровищами библіотеки.

По прекращеніи гоненія, Евсевій возвратился въ Кесарію и, около 315 года, избранъ былъ въ епископа этого города. Въ то время, какъ онъ въ мирѣ и покоѣ занимался управленіемъ своею паствою и особенно учеными трудами, начались въ Церкви аріанскія смуты. Зная изъ предвѣдущаго исторію образованія Евсевія, не трудно понять, въ какую сторону склонялся его образъ мыслей въ этой умственной борьбѣ, въ которой ему, по самому его положенію и авторитету, не возможно было не принять участія. Почитатель Оригена, проповѣдника такъ называемой теоріи субординаціонизма въ ученіи о Св. Троицѣ ¹⁾, знакомецъ Арія, который по изгнаніи изъ Александріи явился къ нему въ Кесарію искать защиты, родственникъ Евсевія Никомидійскаго, открыто защищавшаго аріанскій образъ мыслей, Евсевій выступилъ защитникомъ Арія; въ посланіяхъ къ епископу Александрійскому онъ доказывалъ, хотя и безуспѣшно, что Арій чуждъ приписываемыхъ ему заблужденій. На Никейскомъ соборѣ Евсевій занималъ выдающееся положеніе. Ему было поручено составить привѣтственную рѣчь отъ лица собора императору (такъ свидѣтельствуется самъ Евсевій; по Θεодориту эта честь принадлежала Евстацію Антіохійскому, а по другимъ—Александру, епископу Александрійскому; вѣроятно же всего, что всѣ трое въ разное время произнесли свои рѣчи предъ императоромъ). Какъ знатоку христіанской древности, ему было поручено соборомъ составить символъ, который-бы могъ быть изданъ, какъ вѣроизложеніе собора. Составивъ такой символъ, Евсевій, вѣрный всегдашнему своему образу мыслей, не выразилъ въ немъ отличительныхъ признаковъ православнаго пониманія догмата. Угождая православнымъ, онъ, согласно съ ихъ желаніемъ, изложилъ символъ главнымъ образомъ словами Св. Писанія; угождая строгимъ аріанамъ, онъ внесъ

¹⁾ См. въ сочиненіи В. В. Болотова: „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“. Также въ соч. Розанова, стр. 14—17.

въ него нѣсколько неопредѣленныхъ выраженій, которыя могли быть истолкованы аріанами въ аріанскомъ смыслѣ; выражая-же свое собственное богословское направленіе, внесъ въ символъ нѣсколько выраженій оригенистическихъ ¹⁾. Поэтому его проектъ символа не былъ одобренъ соборомъ, принявшимъ формулу *ὁμοούσιος*. Евсевій подписалъ символъ собора, но, какъ замѣчено въ дѣяніяхъ VII вселенскаго собора, въ этомъ случаѣ лишь устами исповѣдывалъ истину, сердцемъ-же далече отстоялъ отъ нея. Преосв. Филаретъ ²⁾ говоритъ, что Евсевій „принималъ участіе въ дѣлахъ аріанъ по слабости характера, но не измѣнялъ православныхъ мыслей“. *А. В. Горскій* называетъ его нетвердымъ въ своихъ догматическихъ понятіяхъ ³⁾. О расположеніи Евсевія къ Арію и его ученію свидѣтельствуемъ Евсевій Никомидійскій въ письмѣ къ Павлину Тирскому ⁴⁾ и св. Аѳанасій (въ соч. „О соборахъ“). Наконецъ въ посланіи къ своей паствѣ, отправленномъ съ собора, Евсевій далъ Никейскому символу толкованіе полуаріанское, а въ послѣдствіи (въ 331 и 336 гг.) онъ принималъ участіе въ борьбѣ аріанъ противъ Аѳанасія. Впрочемъ сердце Евсевія дѣйствительно никогда не лежало къ спорамъ и смутамъ. Его идеалъ былъ миръ Церкви, и въ своихъ сочиненіяхъ онъ энергически отрицаетъ даже право разсуждать о столь возвышенныхъ вопросахъ, какъ ученіе о взаимномъ отношеніи лицъ Св. Троицы. „Мы не понимаемъ, говоритъ онъ въ сочиненіи о церковномъ богословіи, тысячи вещей, такихъ, которыя находятся предъ нашими глазами. Кто скажетъ, какимъ образомъ душа соединена съ тѣломъ, и какимъ образомъ она оставляетъ его, каково существо ангеловъ, какова сущность души? Какъ же послѣ этого смѣть доискиваться познанія сущности Божества? Зачѣмъ спрашивать о непостижимомъ? Почему не довольствоваться свидѣтельствомъ Отца о Сынѣ: Сей есть Сынъ мой возлюбленный — Того послушайте?.. Нужно вѣровать въ

¹⁾ См. проф. Лебедева: „Вселенскіе соборы IV и V вѣк.“ 1879, стр. 21 и слѣд.

²⁾ „Истор. ученіе объ отцахъ Церкви“ § 96.

³⁾ См. жизнь св. Аѳанасія въ прибавленіяхъ къ „Твореніямъ Св. Отцевъ“ въ русскомъ переводѣ. Ч. X, стр. 64.

⁴⁾ Теодоритъ, Ц. И. I, 6.

Него... ибо вѣчной жизни удостоивается тотъ, кто вѣруетъ въ Него, а не тотъ, кто знаетъ о томъ, какъ произошелъ Онъ ¹⁾, отъ Отца. Въ сочиненіи о вѣрѣ, противъ Савеллія (de fide adversus Sabelium) Евсевій говоритъ: „Споръ не научаетъ ничему... Когда есть память о Богѣ, то благочестивый умъ трепещетъ, нѣмощствуетъ и языкъ“. „Состязанія приличествуютъ конямъ, а не Церкви Божіей ²⁾).

Императоръ Константинъ сколько уважалъ, столько-же и любилъ многоученаго и миролюбиваго епископа Кесаріи: называлъ его въ письмахъ къ нему своимъ возлюбленнымъ братомъ, принималъ его къ себѣ во дворецъ, какъ домашняго человѣка, былъ для него меценатомъ въ его ученыхъ занятіяхъ, прося почаще радовать его произведеніями своего пера ³⁾ и придавая всегда его мнѣніямъ особую цѣну. Съ своей стороны Евсевій искренно любилъ императора, сознавая все величіе его заслугъ для христіанства: двадцатилѣтіе и тридцатилѣтіе его царствованія онъ прославлялъ торжественными хвалебными рѣчами ему и составилъ его жизнеописаніе. Къ числу достоинствъ Евсевія относится и то, что, изъ уваженія къ только что постановленному правилу Никейскаго собора, онъ отказался отъ Антиохійской катедры, которую предлагали ему послѣ Евстаѳія. Переживъ императора лишь нѣсколькими годами, Евсевій скончался въ 340 году.

Какъ по количеству, такъ по внутреннему достоинству и разносторонности своей учено-богословской дѣятельности, Евсевій долженъ быть названъ по всей справедливости первымъ христіанскимъ ученымъ IV вѣка, самаго многоученаго христіанскаго вѣка. По словамъ Скалигера, для того, чтобы написать одно свое сочиненіе о евангельскомъ приготовленіи

¹⁾ De theologia ecclesiastica, lib. I, c. 12.

²⁾ Migne, patr. c. c. s. gr. t. XXIV, col. 1055 и 1063. „Quia igitur est (Deus) scimus, non tamen qualis. Non enim nostrum est mensurare immensurabilem; non nostrum est comprehendere incomprehensibilem“. „Non possum dicere quantum sapio; non possum sapere quantum possibile est. Si sapuero, quantum possibile est, non pervenio, ut dicam, Quantus est? Inenarrabilis enim et incomprehensibilis est. Pater. Talis autem et Filius ipsius Patris“.

³⁾ Жизнь Константина, I, 28, II, 8, IV, 35—36 и др.

(*προπαρασκευὴ εὐαγγελικὴ*), ему необходимо было изучить всѣ библіотеки Египта, Финикіи и Греціи. „Кого можно найти, спрашиваетъ Иеронимъ; кто былъ-бы умнѣе, ученѣе и краснорѣчивѣе Евсевія?“ ¹⁾ Въ подобныхъ-же выраженіяхъ отзываются о немъ Созомень, Сократъ, Евагрій и многіе другіе, въ томъ числѣ и писатели новаго времени, усвоющіе ему въ особенности названіе „отца церковной исторіи“, и вполнѣ справедливо, такъ какъ сочиненіе Егезиппа *ἱστορικῶν*, которое Евсевій цитуетъ въ своей церковной исторіи, какъ историческій источникъ, не было сочиненіемъ специально историческимъ, а имѣло смѣшанный характеръ, содержа въ себѣ понемногу и исторіи, и полемики, и апологетики, и собственныхъ воспоминаній автора. Къ сожалѣнію цѣлая половина, или и болѣе, сочиненій Евсевія не сохранилась до нашего времени и извѣстна лишь по названіямъ; но и то, что дошло до насъ, по истинѣ можетъ заставить удивляться его трудолюбію, уму и богатству познаній. Для насъ, впрочемъ, имѣютъ значеніе лишь гомилетическія сочиненія Евсевія, къ изученію которыхъ мы и обратимся. Къ числу этихъ сочиненій относятся ѣзъ сохранившихся до нашего времени: 1) похвальное слово императору Константину, по случаю тридцатилѣтія его царствованія; 2) слово при освященіи новаго храма въ Тирѣ; и 3) нѣсколько проповѣдей, сказанныхъ въ Кесаріи. Хотя Евсевій не обучался ни въ одной изъ языческихъ ораторскихъ школъ, тѣмъ не менѣе его „похвальное слово царю Константину“ представляетъ всѣ признаки ораторски-риторическаго панегирика, составленнаго по античнымъ и современнымъ ему образцамъ какъ хорошіе, такъ и дурные. Искреннее чувство любви и преданности его императору, котораго онъ уважалъ за его государственнй умъ и безмѣрно любилъ за его услуги Церкви, составляетъ самостоятельную черту автора въ этой рѣчи; но затѣмъ его стремленіе говорить доказательно, въ стройномъ порядкѣ, связано и изящно есть лишь отчасти плодъ навыка къ рѣчи логически-стройной, научной и доказательной, а больше—слѣдствіе зна-

¹⁾ Противъ Руфина кн. 2, также въ tractatio къ commentar. in Esaiam, и въ epist. 65 ad Pammachium et Oceanum.

комства съ образцами античнаго панегирика и подражанія имъ; что-же касается его неумѣренныхъ похвалъ и преувеличеній, то это рѣшительно дань обычаю вѣка и условіямъ тогдашнихъ отношеній подданныхъ къ верховной власти, поддерживаемыхъ правами жизни придворной. До чего доходятъ въ этомъ панегирикѣ гиперболы оратора, можно видѣть изъ того, что пророчество Даниїла: „и примуть царство святїи Вышняго“ (VII, 17),—Евсейій относитъ не къ чему другому, какъ къ назначенію кесарями сыновей Константина! Рѣчь начинается заявленіемъ, что ораторъ не имѣетъ намѣренія описывать всѣ великія дѣла великаго государя, а хочетъ отмѣтить только то въ его дѣятельности, что относится къ Богу и религіи, и затѣмъ далѣе дѣйствительно восхваляются его заслуги для Церкви, состоявшія въ уничтоженіи идолопоклонства. Здѣсь можно найти и катихизисъ, и проповѣдь, и метафизическія разсужденія о Троичности, мысли Пифагора, Платона и другихъ философовъ. Изложеніе—самое изысканное, изобилующее метафорами, гиперболами, аллегоріями.

Подобнымъ образомъ въ словѣ, сказанномъ при освященіи новопостроеннаго (около 315 г.) храма въ Тирѣ, къ епископу Павлину—въ послѣдствіи Антиохійскому (къ которому Евсейій былъ особенно расположенъ ¹⁾), какъ къ человѣку одного съ нимъ образа мыслей, т. е. склонному къ аріанству), проповѣдникъ находитъ необходимымъ всячески украшать свою рѣчь изысканными выраженіями и оборотами. Преосвященный Порфирій ²⁾ отрицаетъ принадлежность этого слова Евсейію, считая его произведеніемъ кого-либо изъ пресвитеровъ Тира, находя подтвержденіе своего мнѣнія въ содержаніи самаго слова, изъ котораго дѣйствительно видно такое близкое непосредственное знакомство съ обстоятельствами построенія храма и его устройствомъ, которое болѣе свойственно члену мѣстнаго вѣбра, нежели прїѣхавшему для участія въ его освященіи епископу другой епархіи. Общее и давнее мнѣніе о принадлежности этого слова Евсейію основывается на словахъ самого

¹⁾ См. его Церк. Ист. X, 1.

²⁾ См. его статью въ Трудахъ Кіевской акад. за 1879 г. т. III, 15: „Проповѣдники въ патріархатѣ Іерусалимскомъ“.

Евсевія, предшествующихъ приводимому имъ въ своей исторіи ¹⁾ тексту слова: „одинъ мужъ съ небольшими заслугами (такое выраженіе Евсевій могъ употребить только о самомъ себѣ, по смиренію) написалъ слово“..., на сходствѣ языка слова съ языкомъ его другихъ сочиненій и на достоинствахъ его содержанія, свидѣтельствующихъ объ учености и ораторскомъ искусствѣ, которыхъ некому кромѣ него приписать изъ числа лицъ, бывшихъ при освященіи храма. Это слово представляетъ особенный интересъ, какъ потому, что самъ Евсевій считаетъ его выше другихъ своихъ проповѣдей (въ этомъ, очевидно, смыслъ онъ внесъ текстъ его полностью въ свою исторію), такъ и потому, что, содержа въ себѣ много первоначальныхъ свѣдѣній, относящихся къ церковной археологіи, представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ христіанской проповѣди на частные случаи. Поэтому находимъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько выдержекъ.

„Друзи Божіи и іереи, одѣянные въ священный подиръ (*ἄγιον ποδήρη*), украшенные небеснымъ вѣнцомъ славы, воспріявшіе Божественное помазаніе, облекшіеся въ св. одежду Св. Духа! И ты, наилучшее украшеніе новаго храма Божія, почтенный отъ Бога старческою мудростію и показавшій разнообразныя опыты юношески-цвѣтущей доблести, которому Самъ Богъ, содержащій всю вселенную, даровалъ особую честь устроить на землѣ домъ Христу, единородному и первородному Своему Слову, также святой и Божественной Его Невѣстѣ! Кто не назоветъ тебя новымъ Веселіиломъ, строителемъ Божественной скиніи, или Соломономъ, царемъ новаго, лучшаго Іерусалима,—новымъ Зоровавелемъ, украсившимъ Божій храмъ большею противъ прежняго славою? А вы, овцы священнаго стада, вы — хранилище благихъ словесъ, училище смиренномудрія, досточтимая обитель благочестія (*στυμὸν καὶ θεοσεβῆς ἀχροατήριον*)!—Прежде, когда слушая чтеніе Божественныхъ писаній, мы уразумѣли дивныя знаменія Божіи и благотворность Господнихъ чудесъ для людей,—прежде, наставленные возсылать Богу хвалебныя пѣсни, мы

¹⁾ Кн. X, IV, по русс. изд., стр. 550.

могли взывать: *Боже ушима нашими слышахомъ, и отцы наши възвѣстивша намъ дѣло, еже содѣлалъ еси во днѣхъ изъ, во днѣхъ древнихъ* (пс. 43, 1). А нынѣ, когда высокая мышца в небесная десница всеблагаго и верховнаго царя Бога открывается не однимъ путемъ слуха и словъ, когда мы видимъ на самомъ дѣлѣ, собственными очами правду и истину того, что предано древностию, нынѣ намъ прилично воспѣть другую побѣдную пѣснь, можно громко восклицать и говорить: *якоже слышахомъ, тако и видихомъ во градъ Господа силъ во градъ Бога нашего* (Пс. 47, 9). Въ какомъ же градѣ, если не въ этомъ новоустроенномъ и Богозданномъ, иже есть царство Бога жива, столпъ и утвержденіе истины, о которомъ и другое Божественное слово восклицаетъ: *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій?* И такъ, возлюбленные, когда всеблагій Богъ, по благодати Единороднаго Сына Своего, собралъ насъ въ сей храмъ, то пусть каждый изъ призванныхъ взываетъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ—въ домъ Господень поидемъ, и еще: возлюбихъ, Господи, благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.* И не только порознь, но и всѣ вмѣстѣ, единымъ духомъ и единымъ сердцемъ должны мы благоговѣбно восклицать: *велий Господь и хваленъ зѣло, во градъ Бога нашего, въ горѣ святой Его!* Ибо и самъ Онъ истинно великъ, великъ и домъ Его, высокъ онъ, обширенъ и благолѣпенъ видомъ предъ очами сыновъ человеческихъ. *Велий Господь творяй чудеса единъ, велий, творяй велия и неизстѣдованная, премъннаяя времена и лѣта, поставляяй цари и преставаляяй, воздвизаяй отъ земли нища и отъ юности возвышаяй убога.* Онъ низложилъ сильныя со престолъ и вознесе смиренныя отъ земли, алчущія исполни благъ и мышцу гордыхъ сокруши, и такимъ образомъ вѣру въ древнія преданія внушилъ не только вѣрующимъ, но и невѣрнымъ. Онъ—Творецъ чудесъ, Онъ—совершитель великихъ дѣлъ, Онъ—Господь всяческихъ, Онъ—создатель всего міра, Онъ—Вседержитель, Онъ—всеблагій; Онъ одинъ и единственный Богъ. Ему воспоемъ пѣснь новую... и хвалами не престанемъ восхвалять Отца всяческихъ. Прославимъ въ пѣсняхъ и втораго виновника нашихъ благъ, началоположника богопознанія, учителя истиннаго богопочтенія, со-

крушителя нечестивыхъ и карателя тирановъ, исправителя жизни, спасителя насъ отверженныхъ,—Исуса. Ибо когда мы находились въ крайнемъ поврежденіи, Онъ одинъ, какъ едиnorodный, всеблагій Сынъ всеблагаго Отца, подражая отеческому челоуѣколюбію, съ совершенною готовностію принялъ нашу природу, и какъ искуснѣйшій врачъ, пекущійся о здравіи больныхъ, разгадалъ нашу болѣзнь, уврачевалъ наши язвы, за чужое зло Самъ подвергся страданіямъ, и насъ не только болящихъ и мучимыхъ страшными гніющими ранами, но уже поглощенныхъ смертію, исхитилъ по собственной волѣ изъ его челюстей. Изъ небожителей никто другой не имѣлъ столько силы, чтобы невредимо совершить спасеніе столь многихъ.. Онъ одинъ призрѣлъ на нашу порчу, одинъ понесъ наши болѣзни... и воспріялъ насъ..., одинъ и прежде и теперь спасъ насъ и щедро передалъ намъ блага Отца Своего“....

„Послѣ этихъ разсужденій, въ которыхъ проповѣдникъ не безъ цѣли освѣжить и возобновить въ сознаніи слушателей существенные пункты вѣрованія, бывшіе предметами пререкавій, обращается къ изображенію прежнихъ бѣдствій Церкви. „Еще тогда, когда весь родъ челоуѣческой, кознями преступныхъ демоновъ и богоненавистныхъ духовъ, погруженъ былъ въ непроходимый мракъ и глубокую тьму, Онъ явился, и крѣпчайшія узы нашихъ беззаконій расплавилъ, какъ воскъ, лучами своего свѣта. Тоже самое произошло и нынѣ. Ненавистный демонъ, врагъ добра и виновникъ зла, по милости и благодѣянію Спасителя, почти совершенно низложенный, вооружилъ противъ насъ всѣ смертоносныя свои силы, и сперва, подобно лютому псу, грызущему зубами бросаемыя въ него камни, и свою ярость противъ отгонятелей показывающему на мертвыхъ предметахъ, обратилъ звѣрское свое бѣшенство на камни храмовъ и на бездушное вещество зданій... Испуская страшный свистъ и змѣиное шипѣніе... онъ дышалъ на насъ смертію... и, посредствомъ жертвоприношенія идоламъ, почти умерщвлялъ ихъ. Когда такимъ образомъ онъ возбудилъ челоуѣкообразнаго звѣря, который всячески неистовствовалъ противъ насъ, тогда великаго совѣта Ангелъ, великій Вождь Божій, послѣ достаточнаго упражненія мужественныхъ воиновъ своего царства въ

постоянствѣ и терпѣніи, опять внезапно явился, истребилъ и уничтожилъ всѣхъ враговъ до того, что погибло и самое имя ихъ, а друзей и близкихъ своихъ прославилъ не только предъ людьми, но и предъ небесными силами, предъ солнцемъ, луною и звѣздами, предъ цѣлымъ небомъ и міромъ. И вотъ, чего прежде не бывало, верховные цари, сознавъ полученную ими отъ Бога честь, плюютъ въ лица бездушныхъ идоловъ, попираютъ незаконныя постановленія дѣмоновъ, осмѣиваютъ древнія заблужденія предковъ и признаютъ единого Бога, называютъ его въ обнародуемыхъ указахъ Спасителемъ и среди владычествующаго надъ землею города, для неизгладимой памяти, царски начертываютъ дѣла Его. Теперь Единого отъ вѣчности Иисуса Христа и самые высшіе властители на землѣ почитаютъ не какъ обыкновеннаго царя, какіе поставляются человѣками, но поклоняются Ему, какъ истинному Сыну Бога всяческихъ и истинному Богу. Ибо кто изъ бывшихъ когда-либо царей показалъ столько могущества? Какой царь начерталъ столь благочестивые и мудрые законы и былъ въ состояніи повелѣть, чтобы ихъ читали въ услышаніе всѣхъ? Кто человѣколюбивыми и кроткими законами упразднилъ варварскіе и грубые обычаи дикихъ народовъ? Кто, всѣми притѣсняемый, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, показалъ вышечеловѣческое могущество, что ежедневно расцвѣтаетъ и юнѣетъ? Кто этому отъ вѣка даже и по слуху неизвѣстному народу далъ мѣсто не въ какомъ либо забытомъ уголкѣ земли, но во всей подсолнечной? Кто оружіемъ благочестія такъ оградилъ своихъ воиновъ, что души ихъ въ борьбѣ съ противниками оказались крѣпче адаманта? Кто изъ царей господствуетъ даже по смерти и каждое мѣсто, страну, городъ у грековъ и варваровъ наполняетъ своими домами-храмами... каковъ сей, еого благолѣпныя украшенія и дары важны и поистинѣ велики, изумительны и достойны удивленія, такъ какъ служатъ ясными доказательствами царства нашего Спасителя? Впрочемъ, для подробнаго объясненія сего потребно особое время и слово, равно какъ для того, чтобы показать, сколь высоко оцѣнили усердіе строителей храма прославляемый нами Богъ, Который взираетъ на одушевленный нашъ храмъ и устрояетъ

себѣ обитель изъ крѣпкихъ живыхъ камней. Его домъ прочно утверждёнъ на основаніи апостоль и пророкъ, сушу краугольную Самому Іисусу Христу. Этотъ краугольный камень злые строители злыхъ вещей отвергли не только при созиданіи древняго, уже несуществующаго, но и нынѣ во многихъ людяхъ находящагося храма. За то Самъ Отецъ какъ тогда, такъ и теперь избралъ его и положилъ во главу угла общей нашей Церкви. Подъ именемъ же сего великаго и вполне благолѣпнаго святилища я разумѣю живой, созданный изъ насъ самихъ, храмъ живаго Бога, въ которомъ внутреннѣйшее, сокровенное и для многихъ невидимое, какъ истинно святое и святая святыхъ, кто дерзнулъ-бы изобразить, хотя бы и увидѣлъ? Кто могъ-бы даже заглянуть за священную его завѣсу, кромѣ Великаго всѣхъ Архіерея?... Впрочемъ, можетъ быть, тоже позволено и другому, занимающее второе по немъ между равными мѣсто (τάχα δὲ καὶ ἄλλοι δευτερεύειν μετὰ τοῦτον ἐνὶ μόνῳ τῶν ἱσῶν ἐφικτόν), именно сему первенствующему вождю воинства, котораго самъ Великій Архіерей почтилъ вторымъ мѣстомъ священства въ этомъ храмѣ. Ему-то, послѣ перваго Архіерея, должно принадлежать, если не первое, то второе мѣсто въ надзорѣ и наблюденіи за внутренними движеніями вашихъ душъ, потому что чрезъ долговременный опытъ онъ узналъ каждаго изъ васъ, своею заботливостью приучилъ васъ къ порядку и благочестію, и въ томъ, кто при помощи Божіей совершилъ, можетъ удобнѣе, чѣмъ кто другой, дать отчетъ. Первый и великій Архіерей, какъ Сынъ, еже видитъ Отца творяща, и самъ также творить; такъ и сей архіерей. взирая чистыми очами ума на перваго, какъ на учителя, видитъ его дѣла, и принимая ихъ за образцы, по возможности совершаетъ имъ подобія и ни въ чемъ не уступаетъ Веселіилу, котораго Самъ Богъ наполнилъ премудростію, и всякаго вѣдѣнія въ искусствахъ и наукахъ и призвалъ къ осуществленію небесныхъ первообразовъ въ видѣ храма. Таеъ всецѣло нося въ сердцѣ своемъ образъ Христа, который есть Слово, Мудрость и Свѣтъ, онъ создалъ сей великолѣпный храмъ высочайшему Богу, по образцу храма лучшаго, видимый по образу невидимаго и существенно уподобилъ его первому“.

Затѣмъ проповѣдникъ подробно рассказываетъ исторію построения храма въ Тирѣ Павлиномъ и описываетъ его устройство. Эта часть проповѣди представляетъ вполне художественное одушевленное описаніе. Послѣ него проповѣдникъ дѣлаетъ символическое объясненіе этого устройства храма въ примѣненіи къ устройству духовнаго храма для Христа—души вѣрующей и Церкви вселенской, какъ общества вѣрующихъ во всемъ мірѣ. Заключение проповѣди состоитъ въ непосредственной связи съ этимъ разсужденіемъ о Церкви вселенской, какъ великомъ духовномъ храмѣ Божіемъ въ мірѣ. „Таковъ великій храмъ, обнимающій всю вселенную, устроенный великимъ зиждительнымъ Словомъ всяческихъ и вмѣстѣ существующій на землѣ, какъ мысленное изображеніе того, что находится превыше небснаго свода, чтобы Отець его былъ предметомъ поклоненія и почитанія для всей твари и для всѣхъ разумныхъ существъ на землѣ. Но ту пренебесную страну, тѣ образцы здѣшнихъ отображеній, тотъ горній Іерусалимъ, ту наднебесную гору Сіонъ, тотъ премірный градъ живаго Бога, гдѣ безчисленные сонмы ангеловъ и Церковь первородныхъ, написанныхъ на небесахъ неизреченными и недомысленными для насъ пѣснями Богословія, прославляетъ своего Творца и верховнаго Владыку всѣхъ,—ту страну никто изъ смертныхъ не въ состояніи восхвалить по достоинству. Око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его. Впрочемъ, удостоившись въ нѣкоторой мѣрѣ сдѣлаться участниками того величія, всѣ мы—мужи, жены и дѣти—большіе и малые, всѣ единымъ духомъ и душею должны непрестанно исповѣдывать и прославлять Виновника столь многихъ дарованныхъ намъ благъ, очищающаго вся беззаконія наши, исцѣляющаго вся недуги наши... (Пс. 102, 3—13). Возобновляя это въ памяти и нынѣ и во всѣ послѣдующія времена, имѣя предъ очами днемъ и ночью, каждый часъ и съ каждымъ такъ сказать дыханіемъ жизни, Виновника и Начальника настоящаго торжества, будемъ любить и чтить его всею силою души: Возставъ, будемъ и нынѣ умолять Его великимъ гласомъ преданности, чтобы Онъ всегда хранилъ и спасалъ насъ въ оградѣ своего стада и даровалъ намъ ненарушимый,

непоколебимый и вѣчный миръ во Христѣ Иисусѣ, Спасителѣ нашемъ, чрезъ Котораго Ему слава во всѣ вѣка вѣковъ. Аминь“.

Сохранившихся до нашего времени бесѣдъ Евсевія, сказанныхъ имъ къ своей кесарійской паствѣ, насчитываютъ до 17. Двѣ изъ нихъ, краткія по объему, изданы Камбефизомъ ¹⁾, но самъ издатель замѣчаетъ, что обѣ онѣ не могутъ быть приписаны одному и тому-же лицу. Одна бесѣда издана Августомъ ²⁾, а затѣмъ 14 изданы на латинскомъ языкѣ Сирмондомъ подъ общимъ заглавіемъ *opuscula* ³⁾. Подлинность этихъ послѣднихъ оспаривалась многими ⁴⁾. Но всѣ внутренніе и внѣшніе признаки говорятъ за несомнѣнную принадлежность Евсевію по крайней мѣрѣ 12 изъ нихъ, а равно и за то, что хотя онѣ и называются *libri*, тѣмъ не менѣе суть настоящія проповѣди ⁵⁾. Всѣ онѣ носятъ отпечатокъ эпохи Евсевія. Авторъ говоритъ въ нихъ, между прочимъ, о счастіи людей, обратившихся отъ идолопоклонства къ почитанію истиннаго Бога, о внѣшнемъ торжествѣ христіанства, опровергаетъ древнія ереси и язычество. Способъ выраженія о второмъ лицѣ Св. Троицы тотъ самый, который находимъ въ другихъ сочиненіяхъ Евсевія. Первая бесѣда живо напоминаетъ мѣста изъ сочиненія Евсевія противъ Маркелла: такъ авторъ говоритъ, что „Богъ отъ вѣчности родилъ не простой звукъ, а Сына, не рѣчь, а жизнь, не просто слово, а Бога—Слово, что царству Сына не будетъ конца“. Съ внѣшней стороны онѣ содержатъ въ себѣ несомнѣнные признаки произнесенія въ храмѣ передъ слушателями

¹⁾ См. его *auctuarium novum*, Paris 1648, p. 779 и слѣд. Одна изъ нихъ имѣетъ заглавіе: *εις τὸ ὁψὲ σάββατον*, другая—*περὶ τῶν ἐν τῷ μνημείῳ ἀγγέλων*, т. е. „на слѣдующую субботу“ и „въ воспоминанье объ ангелахъ“.

²⁾ *Oratio in diem parasceven*, ed. Angusti. Bonn, 1820.

³⁾ *Opuscula XIV et homiliae*, latine Paris, 1643.

⁴⁾ См. напримѣръ, *Alvicia* Patrologie, по франц. переводу, стр. 294. Онъ считаетъ эги проповѣди произведеніями вѣковаго Фавста Riez, который издалъ ихъ подъ именемъ Евсевія Эмесскаго. Позже ихъ признали произведеніями Евсевія Кесарійскаго. См. *histoire de la France*, t. II. См. также Миня ser. gr. t. XXIV, col. 1047—1057.

⁵⁾ Припомнимъ здѣсь, что Иеронимъ въ каталогѣ бесѣды Василія Великаго на шестодневъ называетъ словомъ *libri*. Это названіе вообще, какъ увидимъ въ послѣдствіи, часто терминологически примѣняется къ несомнѣннымъ проповѣдямъ особенно на Западѣ, и именно проповѣдямъ тематизованнымъ.

послѣ прочтенія библейскаго текста, который не приводится въ самой проповѣди видимо лишь ради краткости. Такъ начало первой бесѣды предполагаетъ предварительное прочтеніе евангелія отъ Іоанна I, 1—18, вторая начинается текстомъ Іоанн. III, 18 и предполагаетъ предварительное прочтеніе 1 Іоанн. III, 1—18. Всѣ эти бесѣды имѣютъ предварительное обозначеніе ихъ предмета, хотя и не представляютъ полнаго послѣдовательнаго раскрытія этого предмета: о воскресеніи (de resurrectione), о душѣ безтѣлесной (de anima incorporeali) и т. д. Во всѣхъ ихъ рѣчь ведется къ слушателямъ, которые находятся въ храмѣ и уже прежде часто слушали оратора. Напримѣръ, въ первомъ словѣ о вознесеніи проповѣдникъ говорить: *говорено* было нами и вы *слышали* (dictum est a nobis audistis et vos). Почти во всѣхъ ихъ есть вступленіе, а въ концѣ—нравственное увѣщаніе, и всегда одинаковое полное слово (1) и заключительное „аминь“. Въ 10-й проповѣди ораторъ, между прочимъ, жалуется, что многіе во время его рѣчи спятъ (plurimi obdormientes). По изложенію всѣ эти проповѣди представляютъ обычные качества рѣчи проповѣднической: одушевленіе, обращенія, иногда отсутствіе строгой тематической послѣдовательности, словообиліе, алегоріи и толкованія мистическія, изрѣдка утомительную сухость эрудиціи. Но есть немало мѣстъ по истинѣ прекрасныхъ, обнаруживающихъ въ авторѣ хорошаго оратора. По содержанію почти всѣ онѣ догматическія и полемическія, почему мы и относимъ Евсевія ко второй группѣ проповѣдниковъ IV-го вѣка, къ представителямъ типа проповѣди догматико-полемической. Первые двѣ бесѣды трактуютъ „о вѣрѣ, противъ Савелія“—de fide adversus Sabellium libri duo. Въ первой проповѣдникъ доказываетъ, что Сынъ Божій существовалъ предвѣчно и въ собственной, отличной отъ Отца Упостаси, основывая это ученіе на первыхъ словахъ евангелія отъ Іоанна: „въ началѣ бѣ Слово“, и нѣкоторыхъ другихъ текстахъ Св. Писанія. Начало проповѣди предпола-

1) Semper gratias agat (homo) Deo Patri, per unigenitum Ejus Filium, per quem est ei gloria, honor, imperium, majestas, cum Spiritu Sancto, et nunc, et semper, et per omnia saecula saeculorum (Migne, t. XXIV, col. 1169).

гаетъ предварительное прочтеніе анагностомъ текста изъ евангелія отъ Іоанна 1, 1—18. Проповѣдникъ обнаруживаетъ здѣсь особенное умѣніе абстрактныя идеи передавать живо, наглядно. Есть здѣсь мѣста, отличающіяся чисто ораторскимъ изложеніемъ. Таково, напримѣръ, мѣсто, гдѣ проповѣдникъ разсуждаетъ о посредничествѣ Сына Божія между Богомъ и человѣкомъ. „Посредникъ Сынъ—и дается законъ; посредникъ Сынъ—и говорятъ пророки; посредникъ Сынъ—и возвѣщается Завѣтъ Новый и исполняется Ветхій; посредникъ Сынъ—и бывають ангелы; посредникъ Сынъ—и творятся архангелы; Сынъ посредникъ и Творецъ всякаго естества, правитель и Спаситель, ибо ничто изъ сотвореннаго не существуетъ безъ Провидѣнія... Какъ, по-истинѣ, велико милосердіе Божіе! Онъ раждаетъ Сына, ибо Онъ благъ. Мы заблуждались, и Онъ не отвратилъ лица Своего отъ насъ; мы пали, и Онъ не презрѣлъ насъ, но послалъ безгрѣшнаго, чтобы воззвать того, кто согрѣшилъ, послалъ Сына, творящаго Ему угодное, чтобы спасти раба, не хотящаго повиноваться. Послалъ праведность, чтобы уничтожился грѣхъ, послалъ жизнь, чтобы умерла смерть, послалъ Того, Который отъ Него, чтобы спасти сущихъ отъ человѣка (*ut salvarentur qui egant ex homine*), послалъ Того, Кто отъ Дѣвы, чтобы спаслись тѣ, кой отъ жены погибли; послалъ Его въ образѣ мужа, чтобы спасся погибшій мужъ; Сынъ пригвозждается ко кресту съ разбойниками, чтобы рай отверзся и разбойникамъ. Помысли о величій милости и взвѣсь ея значеніе: что я и ты родились отъ жены, въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго; ѣсть, пить, спать, вставать и лежать въ ясляхъ (*in praesepio*)—во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это свойственно человѣческой природѣ. Но какъ необычайно, чудесно, величественно то, что сдѣлалъ Богъ! Богъ Самъ послалъ рожденнаго, послалъ въ міръ Своего Сына, Отецъ послалъ рожденнаго, Несозданный послалъ Свое порожденіе (*progeniem*), Милостивый Послушнаго, Господь праведности—праведность. Для кого послалъ? Для грѣшниковъ. Ради кого послалъ? Ради презрѣвшихъ заповѣдь Адама. Такъ пришелъ повинующійся заповѣди. Судія былъ осужденъ ради виновныхъ, жизнь распята за мертвыхъ, Превознесенный увѣн-

чанъ терновымъ вѣнцомъ и Источникъ сладости вкушаетъ желчь!“

По первой проповѣди можно составить себѣ понятіе и о второй, такъ какъ обѣ онѣ совершенно однородны какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Но вторая живѣе и одушевленнѣе. Между прочимъ, здѣсь ораторъ даетъ ясно понять, что ему не нравится терминъ *ὁμοούσιος*, но онъ его не осуждаетъ. Здѣсь-же находится упоминаніе о человѣкѣ, который уже умеръ, но который былъ учителемъ и отцемъ проповѣдника, а также о человѣкѣ, исполненномъ благодати и трудолюбивомъ, но который не содержалъ въ сердцѣ своемъ того, чему училъ. Валезій думаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Памфілѣ (забывая, что Памфілъ былъ святой и мученикъ), хотя справедливѣе относить эти слова къ предшественнику Евсевія — Агапію. Нѣкоторые (Тильмонъ) думаютъ, что слово это принадлежитъ не Евсевію, а ученику его, Авакію, который былъ удаленъ съ кафедръ Аванасіемъ; но этотъ злѣйшій аріанинъ едва-ли бы говорилъ такъ легко объ *ὁμοούσιος*, какъ это находимъ въ словѣ. Селле считаетъ слово несомнѣннымъ произведеніемъ самого Евсевія, на томъ основаніи, что во всѣхъ древнихъ манускриптахъ оно надписывается его именемъ, и относитъ его къ 336 году. Дѣйствительно, изъ проповѣди видно, что она произнесена, вѣроятно, вскорѣ по возвращеніи Евсевія съ Никейскаго собора, гдѣ онъ подписалъ символъ, не сходный съ символомъ Кесарійской церкви, что, конечно, многими изъ его паствы не одобрялось. Вѣроятно поэтому проповѣдникъ увѣщеваетъ слушателей особенно къ соблюденію мира, имѣя въ виду тѣхъ, которые отдѣляются отъ своего епископа изъ-за неодинаковаго пониманія догматовъ. „Если проповѣдуемое мною кажется тебѣ ошибочнымъ, суди меня, но не губи самъ себя, говоритъ, между прочимъ, проповѣдникъ. Не ищите повода къ раздѣленію: овца, находящаяся внѣ стада, становится добычею волка. Ты, конечно, сильнѣе овцы, но и тебѣ лучше оставаться въ оградѣ овчарни, чѣмъ внѣ ея. Ты силенъ—перенеси (*porta*) мою слабость; ты нетвердъ—прими самъ помощь отъ всей Церкви (*a communi Ecclesia*). Одна капля не дѣлаетъ потока, ибо, выпадая, она не успѣетъ упасть,

какъ поглощается землею; но капля за каплей, одна, другая, третья—соединяясь, и горы разрушаютъ. Ты хрупкій тростникъ, а тутъ многіе крѣпче желѣза. Одинъ глазъ—не глазъ, одна голова—не голова, одна нога—не нога; только совокупность членовъ даетъ каждому изъ нихъ его значеніе. Хотя-бы ты былъ глазъ, въ отдѣленіи (отъ тѣла Церкви), ты будешь слѣпъ. Ибо глазъ, отнятый отъ тѣла, глазъ слѣпой, даже больше—мертвый. Въ Церкви мы сходимся, какъ братья, подъ крылья матери,—какъ члены Христа, а не для раздѣленія, не для ересей. Иногда приходится сказать: языкъ мой врагъ мой (*offendit mea lingua*); можетъ погрѣшати и мысль моя (*potest fieri, ut mens mea offendat*); но ты не забывай сказаннаго: вы куплены дорогою цѣною,—не дѣлайтесь рабами челоуѣковъ. Церковь не мой и не твой домъ; зачѣмъ-же изъ-за меня ты отступаешь отъ Церкви? Что мы получили такого, чтобы быть премудрѣе другихъ? Если я нетвердъ, ты, крѣпкій, утверди Церковь. Если я говорю чуждое, зачѣмъ ты, вѣрно рассуждающій, даешь другимъ видѣть мою немощь? Да не думаетъ кто-либо, что я говорилъ, побуждаемый кѣмъ-либо: нѣтъ, я по обязанности своего званія говорю это, ибо знаю, что говорилось и говорится. Уходишь изъ Церкви и бросаешь мать свою изъ-за меня. Но что я? Павелъ, Аполлосъ? Развѣ я былъ распятъ? Онъ пострадалъ за меня, а я за Него почтенъ. Братья, братья! Не будьте пиратами (*piratis*) и бойцами, не ищите съ кѣмъ-бы повоевать, а ищите, кого-бы спасти (*quem salvetis*). Самъ же Богъ мира, не пощадившій Сына Своего едиnorodнаго, для нашего спасенія, Самъ да соединитъ ваши души въ единомысліи мира и любви; Ему-же, нерожденному Отцу, слава, честь, держава и величіе во Святомъ Духѣ, нынѣ и присно и во вся вѣки вѣковъ. Аминь“ ¹⁾

Двѣ весьма обширныя по объему (по изданію Миня одна въ 23 столбца, другая—21 столб.) проповѣди (*libri*) о воскресеніи (*de resurrectione*) живо напоминаютъ складъ рѣчи панегирика Константину. Вопросъ о воскресеніи мертвыхъ здѣсь исчерпывается со всею обстоятельностью и глубиною, какихъ

¹⁾ Migné, S. gr. XXIV, col. 1068—1070.

только можно требовать отъ столь компетентнаго учителя-богослова, какимъ былъ Евсевій, примѣнительно къ понятіямъ объ этомъ предметѣ язычниковъ (изъ слова видно, что язычниковъ было много между слушателями проповѣдника), еретиковъ, іудеевъ и къ тѣмъ сомнѣніямъ и возраженіямъ, какія могли существовать въ средѣ самихъ вѣрующихъ. На основаніи упоминанія въ словѣ о разрушеніи языческихъ храмовъ и идоловъ, думаютъ, что слово сказано около 324 г., когда Константинъ, по смерти Лицинія, далъ подобный указъ. Отъ основательности и глубокомыслія нисколько не страдаетъ, впрочемъ, здѣсь изложеніе, на всемъ пространствѣ обоихъ словъ отличающееся истинно-проповѣдническимъ одушевленіемъ и ясностію рѣчи.

Въ началѣ первой проповѣди ораторъ упоминаетъ, что онъ и прежде говорилъ предъ тѣми-же слушателями о воскресеніи; но такъ какъ всякое время приноситъ свой плодъ: когда бываетъ время розъ, розы и цвѣтутъ, ласточки и другія полевныя птички знаютъ свое время—на нихъ указывалъ непознавшимъ своихъ временъ іудеямъ пророкъ Іеремія, и Соломонъ говоритъ: для всякой вещи въ мірѣ назначено свое время;—то онъ, проповѣдникъ, находитъ благовременнымъ снова предложить ученіе о воскресеніи, вызываемый къ такому выбору предмета проповѣди тѣмъ, что только-что прочитано, а также тѣмъ, что хотя онъ и сильно и часто говорилъ объ этомъ предметѣ прежде, но, повидимому, не всѣ хорошо усвоили то, что говорилось. Итакъ ничто не препятствуетъ ему возобновить въ памяти слушателей этотъ важный предметъ; кто вѣруетъ въ будущее воскресеніе, тотъ послѣ новой рѣчи о немъ еще болѣе убѣдится въ этой истинѣ, а кто еще не твердо увѣренъ въ ней, тотъ, можетъ быть, убѣдится въ ней должнымъ образомъ. Какъ много есть людей невѣрующихъ въ воскресеніе или неправовѣрующихъ! Язычники вовсе не вѣруютъ въ него; еретики равнымъ образомъ или вовсе не вѣруютъ, или вѣруютъ не такъ, какъ должно; изъ іудеевъ фарисеи вѣруютъ въ воскресеніе, а саддукеи не вѣруютъ; но и изъ принадлежащихъ къ Церкви многіе сомнѣваются въ воскресеніи и спрашиваютъ: какимъ образомъ мы воскреснемъ? въ какой обстановкѣ и въ какомъ

сообществѣ? въ какомъ мѣстѣ? нагіе или одѣтые? на небѣ или въ раю? всѣ вмѣстѣ или каждый порознь? и цѣлая тысяча подобныхъ вопросовъ. Много есть людей, которые какъ-бы и не подозрѣваютъ, что Богъ хоть немного могущественнѣе человѣка и говорятъ: кто умеръ, тотъ умеръ, одну часть тѣла его пожралъ орелъ, другую—ворона, третью—собака, но затѣмъ и собаку и ворону и орла въ свою очередь пожралъ дикій звѣрь... Какимъ образомъ Богъ обрѣтетъ плоть человѣка, чтобы воскресить ее? Нужна молитва о томъ, чтобы Самъ Господь воскресенія далъ слово учащему и все должное вниманіе слушающимъ!... ¹⁾). Послѣ этого вступленія, проповѣдникъ разсматриваетъ указанныя имъ возраженія противъ воскресенія мертвыхъ, во всѣхъ ихъ вида невѣріе во всемогущество Творца и Промыслителя Бога. Съ слѣпыми бесполезно разсуждать о цвѣтахъ. Такъ бесполезно говорить о воскресеніи съ тѣмъ, кто не видитъ въ процессѣ міровой жизни, во всѣхъ явленіяхъ природы, творческой и промыслительной дѣятельности Бога, Который каждому творенію даетъ Свою особую природу и особый родъ жизни въ общемъ составѣ бытія: травы, рыбы морскія, самые камни имѣютъ особое цѣлесообразное устройство, данное отъ Творца соотвѣтственно ихъ назначенію. Вѣруя въ божественное Провидѣніе, необходимо признать и возможность воскресенія: *confessa providentia, consequens est adesse resurrectionem*. Безъ причины-ли справедливый—справедливъ и цѣломудренный—цѣломудренъ? Богъ, промышляющій о существахъ безсловесныхъ и неразумныхъ, будетъ-ли нерадѣть о душахъ разумныхъ? и т. д.

Второе слово (*liber secundus*), посвященное тому-же предмету, т. е. разсужденію о воскресеніи, сказано въ праздникъ Вознесенія Господня. „Радуются небеса въ настоящій праздникъ, воспринимая Господа побѣдителя; радуются сонмы ангеловъ, срѣтая побѣдоноснаго Царя; радуется Тотъ, Кто родилъ и послалъ въ міръ сѣдящаго присно одесную возлюбленнаго Сына, умертвившаго смерть, поправшаго тираннію діаво-

¹⁾ Это мѣсто проповѣди Евсевія представляетъ почти буквальное сходство съ однимъ мѣстомъ въ словѣ Ефрема Сиріна о крестѣ. См. по русс. изд. твор. Ефрема. Т. III. стр. 43.

ла (*destructa est tyrannia diaboli*), даровавшаго спасеніе людямъ и радость ангеламъ. Еще не сошелъ Духъ Св., но уже на всѣхъ языкахъ воспѣвается хвала побѣдителю. Ибо сперва совершилось спасеніе всѣхъ языковъ, а потомъ всякому народу на его языкѣ устами апостоловъ возглаголалъ Духъ Святый. И сама Пасха, содержащая въ себѣ таинство празднества смерти, тоже принесла свой плодъ, когда произошло восшествіе Господне на небо. Ибо Онъ приходилъ не для того, чтобы умирая умереть, но дабы тѣ, кто мертвы, стали живы... Итакъ радуется нынѣ все твореніе: и солнце свѣтлѣе сіяетъ сегодня... Восходя отъ земли, Господь и человѣка возводитъ къ небу... Да не подумаетъ кто-либо, что я забылъ вчерашнее обѣщаніе—говорить сегодня о воскресеніи. Восшествіе Господа ко Отцу служить залогомъ воскресенія людей (*firmatur hominum resurrectio*). Почему и апостоль, желая показать, что воскреснутъ люди, обращаетъ свое слово къ воскресенію Господню: если состраждемъ Ему, то съ Нимъ и прославимся (Рим. VIII, 17), если мертвые не воскреснутъ, то и Христосъ не воскресъ (1 Кор. XV, 16),—изъ чего ясно, что изъ воскресенія Христова слѣдуетъ и воскресеніе людей ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ на доказательства воскресенія Иисуса Христа, проповѣдникъ указываетъ: 1) на уничтоженіе въ мірѣ идолопоклонства и языческихъ храмовъ, пограніе демоновъ, т. е. языческихъ боговъ—разрушеніе Иерусалима и разсѣяніе іудеевъ; 2) чудеса, которыя совершалъ Богъ: мученики выходили невредимыми изъ устъ звѣрей или изъ огня, и т. д.; 3) перемѣной, происшедшей послѣ воскресенія съ апостолами и чудеснымъ даромъ языковъ, проповѣдію апостоловъ, установленіемъ Церкви и исполненіемъ пророчествъ Иисуса Христа. Кто будетъ столь дерзокъ, чтобы утверждать, что Христосъ не воскресъ,—враги-ли, или ложные друзья? Для язычниковъ ручательствомъ воскресенія Христова служитъ разрушеніе ихъ храмовъ и низверженіе ихъ боговъ (*si stant eorum templa, non resurrexit*), для іудеевъ—разрушеніе Иерусалима и разсѣяніе ихъ по всей землѣ. Мужество мучениковъ и апо-

¹⁾ Migné, patr. gr. t. XXIV. col. 1093.

столовъ—дѣйствіе воскресенія Христова. Тотъ самый Петръ, который трижды отрёкся отъ своего Господа, убоявшись упрековъ служанки, сказанныхъ въ темнотѣ и наединѣ, нѣсколько дней спустя исполнился такого мужества, что открыто предъ всѣми говорилъ іудеямъ, что праведникъ, котораго они убили, воскресъ изъ мертвыхъ. Откуда у нихъ взялась эта смѣлость проповѣдывать распятаго, какъ Бога? Сошествіе огненныхъ языковъ на апостоловъ такое-же доказательство истинности воскресенія Иисуса Христа, какъ и исполненіе на Немъ пророчествъ.

Пятое слово („de incorporali et invisibili Deo“) посвящено доказательству той мысли, что Богъ безтѣлесенъ и невидимъ. Оно составляетъ объясненіе тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя содержатъ въ себѣ человѣкообразное изображеніе Божества, гдѣ Богу приписываются руки, ноги и другіе члены человѣческаго тѣла. „Будучи самъ по себѣ всесовершенъ и простъ по природѣ, Богъ не можетъ состоять изъ частей; Онъ существуетъ прежде сложенія міра, когда образовались и произошли его составныя части. Какъ безконечный, Онъ наполняетъ всё пространства міра“...

Въ *шестомъ словѣ*—о безтѣлесномъ (de incorporali, liber primus), сказанномъ въ одинъ изъ дней поста, доказывается, что вещи тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они дальше отстоятъ отъ матеріи, изъ чего выводится та истина, что Богъ есть Духъ совершеннѣйшій. Проповѣдникъ останавливается на природѣ животныхъ и на удивительномъ способѣ ихъ сохраненія, на ихъ инстинктѣ, который не данъ однако человѣку, владѣющему разумомъ, которымъ и долженъ руководиться...

Въ *седьмомъ словѣ*—о безтѣлесной душѣ (de incorporali anima, liber secundus) доказывается превосходство человѣка предъ прочими тварями, тѣмъ, что онъ сотворенъ послѣ всѣхъ тварей, какъ царь природы, для котораго создано все. Подобнымъ образомъ душа выше тѣла, ибо сотворена послѣ него, особымъ творческимъ дѣйствіемъ. Что она выше тѣла, видно изъ того, что человѣкъ иногда чувствуетъ въ себѣ стремленіе противиться влеченіямъ тѣлеснаго организма (цѣломудріе). Въ концѣ проповѣди проповѣдникъ особенно удивляется разуму человѣка, силою котораго онъ подчиняетъ себѣ все въ природѣ.

Въ *восьмомъ словѣ*—проповѣдникъ въ началѣ заявляетъ о своемъ желаніи говорить о природѣ человѣческой мысли (*de spirituali cogitatu hominis, liber tertius*), но съ первыхъ же строкъ начинаетъ восхвалять цѣломудріе (*prudencia*) и тѣ блага, какія даруетъ эта добродѣтель людямъ. Цѣломудріе здѣсь понимается лишь въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ умѣренности въ наслажденіяхъ. Слово *девятое*, котороѣ трактуетъ о безтѣлесности существа Божія (*de eo, quod Deus Pater incorporealis est*) и о величій Божіемъ, замѣчательно по разсужденіямъ проповѣдника объ ангелахъ и объ ихъ превосходствѣ предъ людьми. У ангеловъ нѣтъ женъ, ибо жена существуетъ какъ помощница мужу, а для ангела достаточно собственной природы. Будучи чистыми духами, они не подвержены, какъ человѣкъ, страстямъ, ни слабостямъ тѣлеснымъ, ни другимъ условіямъ жизни конечной. Ангелы не нуждаются ни въ одеждѣ, ни въ ложахъ, ни въ домахъ, ни въ трапезѣ, ни въ слугахъ, ни въ серебрѣ, мѣди или желѣзѣ. Зачѣмъ желѣзу быть на небѣ? Развѣ для земледѣлія, мореплаванія, для войны или леченія? Ангеламъ не нужны вола для обработки земли, ни лошади для войны!!¹⁾ Затѣмъ, переходя къ изображенію совершенствъ Божіихъ, проповѣдникъ, чувствуя себя бессильнымъ изобразить словами всю полноту Божественнаго совершенства, въ великолѣпной просопопеѣ заставляетъ солнце проповѣдывать величіе Божіе; при этомъ опровергаетъ ученіе астрологовъ о вліяніи звѣздъ на судьбу людей, вооружается противъ культа свѣтилъ небесныхъ и опровергаетъ мифологическіе разсказы о богахъ.

Въ *десятомъ словѣ*—„о томъ, что Богъ-Отецъ безтѣлесенъ“, доказывается, что не слѣдуетъ понимать буквально тѣ мѣста

¹⁾ Non sunt nuptiae apud angelos. Data est viro mulier ad adiutorium; angelorum autem unusquisque propria natura sufficit sibi. Non conficiuntur angelis indumenta, ut contegant, quae cohabitant. Non domus iisdem, sufficit enim coelum. Non mensa apud eos, forte autem non pascuntur... Angeli non indigent loco, sed liberi a locis viventes sunt et in alterutrum agentes. Non in confusione quippe, nec exultatiore corporea, sed semper in lumine sunt. Ipsi lumen tale, quales et sunt. Apud illos non nox ad reptionem habetur, non dies ad resurrectionem. Semper enim habent lumen, et lumen non hoc quod apud nos est, et caet.

Св. Писанія, въ которыхъ Богъ изображается человѣкообразно, гдѣ Ему приписываются руки, ноги и другіе члены человѣческаго тѣла.

Всѣ исчисленныя 10-ть словъ находятся въ близкой связи одно съ другимъ по предмету. Одиннадцатое слово не имѣетъ уже къ нимъ никакого отношенія. Оно имѣетъ предметомъ объясненіе словъ І. Христа: „не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ“. Лучшую часть его составляетъ разсужденіе объ обязанности человѣка любить Бога. Проповѣдникъ основываетъ эту обязанность на тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя мы получили отъ Бога и на Его безконечныхъ совершенствахъ. Въ особенности же обязываетъ насъ къ этой любви крестная искушительная смерть за насъ І. Христа. Часто, говоритъ проповѣдникъ, когда онъ читалъ Св. Писаніе, предъ нимъ какъ-бы живой возставалъ І. Христосъ, вочеловѣчившійся Богъ; Онъ простиралъ къ Нему руки и касался конца его одѣянія, чтобы получить исцѣленіе болѣзней своей души. Но Бога слѣдуетъ любить не только ради оказываемыхъ Имъ намъ благодѣяній, но также и ради Его Самого, Его совершенства. Если вы повинуетесь Богу только изъ страха — вы лишь жалкіе рабы. Между прочимъ проповѣдникъ изображаетъ блаженное состояніе души, любовію соединяющейся съ Богомъ. Кто достигъ совершенной любви къ Богу, тотъ не смотритъ болѣе ни на небо, ни на землю, ни на мѣсто, гдѣ онъ находился, ни на море, ни на рѣки, не видитъ солнца, не разсуждаетъ о лунѣ, не думаетъ о звѣздахъ; самые лики ангеловъ недостойны его вниманія, ибо одинъ Богъ всецѣло владѣетъ его мыслию. Кто въ такомъ состояніи, тотъ не знаетъ болѣе, что онъ отъ плоти, забылъ даже, что имѣетъ душу, ибо живетъ всецѣло для Бога,—все другое для него не существуетъ. Объ этомъ состояніи говоритъ апостоль: живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ ¹⁾. Обращаясь къ объясненію словъ: „не приидохъ

¹⁾ Въ латинскомъ текстѣ это замѣчательное мѣсто, напоминающее аскетически-мистическое ученіе Макарія, читается такъ: *Qui autem ad istam constitutionem occurrerit, nescit, quia et coelum et terram non videt, nec novit in quo in terra est loco: maris autem ne quidem memor est, et flumina despicit: solem non videt lunam non considerat, stellarum memor non est, despicit autem et angelorum*

во вѣщи миръ ни земли“..., проповѣдникъ спрашиваетъ: какимъ образомъ могъ принести на землю мечъ Тотъ, Кто есть миръ нашъ? и отвѣчаетъ, что это слѣдуетъ разумѣть о враждѣ между собою членовъ семьи изъ-за различія религіозныхъ вѣрованій. Въ концѣ бесѣды проповѣдникъ обращаетъ рѣчь къ тѣмъ изъ христіанъ, которымъ приходилось терпѣть отъ языческихъ членовъ собственнаго семейства и увѣщаетъ ихъ радостно переносить всѣ страданія ради Христа. Изъ этой бесѣды видно, что еще много было между его слушателями язычниковъ, и что онъ многократно касался этого предмета. *Дванадцатая бесѣда* объясняетъ слова: *что говорится вамъ на ухо, то проповѣдуйте съ кровель*. Сначала проповѣдникъ говоритъ, что это тѣ слова, которыя произвели мучениковъ; затѣмъ рѣшаетъ вопросъ, почему Самъ Иисусъ Христосъ говорилъ лишь „во уши“ ученикамъ — „*cum ipse aure locutus est*“, а проповѣдываніе открытое предоставилъ ученикамъ? Такъ поступилъ І. Христосъ для того, чтобы, во-первыхъ, имѣть отъ другихъ свидѣтельство о Себѣ, и чтобы, во-вторыхъ, не раздражить іудеевъ до времени, предназначеннаго Ему Отцемъ. Затѣмъ доказывается, что и намъ ничто не препятствуетъ исполнять упомянутое повелѣніе Господа—открыто исповѣдывать и проповѣдывать Его, потому что душа наша безсмертна, да и относительно тѣла обѣтовано, что и волосъ съ головы нашей не спадетъ безъ воли Отца небеснаго. За всѣ лишенія на землѣ для Бога, Богъ сторицею вознаградитъ насъ въ жизни будущей. Если при входѣ въ городъ языческій христіанинъ побойтся ознаменовать себя крестомъ, онъ тѣмъ самымъ отрекается отъ Христа; совершенный отступникъ отъ Христа тотъ, кто возливаетъ вино въ честь боговъ языческихъ. Страдать за Христа можно не только претерпѣвая мученіе отъ язычниковъ (*semper persecutio est. semper invisibile bellum habetur, semper corona, et cet.*), но и преодолевая собственною волею, изъ любви къ Богу, свои страсти. Въ концѣ бесѣды проповѣдникъ по-

choros, unus enim ille non permittit dividi visionem ad multa. Qui enim in tali constitutione habetur, nescit, quia et carnem habet, et quod est maximum, evacuatus in illum est, quem desiderat et universa ei sunt emortua et illi vivit soli. Et hoc est illud insigne, quod ait apostolus: vivo ego... et caet.

рицаеть идолослуженіе, языческія гаданія и примѣты, вѣру въ судьбу, въ предсказанія прорицателей, которые наблюдаютъ извѣстный тонъ голоса, тотъ или другой способъ ходьбы, полеть птицъ, лай собакъ и т. д. Изъ этого слова видно, между прочимъ, что авторъ его—епископъ.

Бесѣда *тринадцатая*—о дѣлахъ добрыхъ и злыхъ (de operibus bonis et malis) изображаетъ безобразіе грѣха и тѣ послѣдствія, какія онъ за собою влечетъ. Стараясь внушить спасительный страхъ грѣха, проповѣдникъ изображаетъ его постыдныя и гнусныя послѣдствія, жалкое состояніе людей, которые, предавшись безраздѣльно чувственнымъ удовольствіямъ и похотямъ плоти, подъ предлогомъ исполненія закона природы, утрачиваютъ способность мыслить о Богѣ, живутъ не какъ люди, а какъ скоты. Это состояніе не есть природное состояніе человѣка, но плодъ поврежденія воли. Какъ только человѣкъ приходитъ въ себя, онъ начинаетъ любить добро. Нераскаянныхъ грѣшниковъ и несправимыхъ чувственниковъ проповѣдникъ находитъ неизвинимыми.

Бесѣда 14-я, продолжая предъидущую, состоитъ изъ объясненія 8-й и 9-й главъ II посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ апостоль убѣждаетъ Коринѳянь къ подражанію Ахеянамъ и Македонанамъ, пославшимъ въ Іерусалимъ обильную милостыню бѣднымъ изъ іудеевъ, которые сдѣлались бѣдными потому, что принявъ христіанство, потеряли свои имущества. При этомъ Евсеій говоритъ подробно объ устройствѣ первобытной Церкви и выясняетъ значеніе благотворительности.

Проповѣди Евсеія болѣе замѣчательны по своимъ мыслямъ,—нравоучительныя его идеи заслуживаютъ не менѣ вниманія, чѣмъ догматическія,—чѣмъ по изложенію, о которомъ, повидимому, проповѣдникъ мало заботился, если судить объ этомъ по латинскому переводу ихъ, въ которомъ они единственно извѣстны. При постоянно возвышенномъ ораторскомъ одушевленіи, они часто чужды той строгой послѣдовательности въ мысляхъ, которой мы въ правѣ ожидать отъ богослова столь образованнаго, страдаютъ словообиліемъ, иногда неудачными аллегоріями, мистическими толкованіями и нѣкоторою сухостію разсужденія. Въ общемъ составѣ научно-богословской дѣятель-

ности Евсевія, они не занимають положенія выдающагося, по-
чему доселѣ не были предметомъ должнаго вниманія изслѣдо-
вателей; слава Евсевія, какъ великаго богослова, полемиста,
апологета, экзегета, историка—затмила въ глазахъ его време-
ни его дѣятельность проповѣдническую. Очень можетъ быть,
что самъ проповѣдникъ на эту дѣятельность удѣлялъ мало
времени, сосредоточиваясь на своихъ ученыхъ занятіяхъ. Но
съ нашей точки зрѣнія, по своей содержательности, по силѣ
одушевленія предметомъ рѣчи и живости изложенія, всѣ онѣ
вполнѣ достойны его имени и въ ряду проповѣдей четвертаго
вѣка, столь изобиловавашаго великими церковными учителями,
должны быть поставлены далеко не на послѣднемъ мѣстѣ.

Н. Барсовъ

(Окончаніе будетъ).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОГМАТИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПРОПОВѢДИ

ВЪ IV ВѢКѢ НА ВОСТОКѢ.

(Продолженіе *).

Св. Аѳанасій Великій ¹⁾.

Однажды св. Александръ, епископъ Александрійскій, глядя изъ окна своего дома на берегъ моря, замѣтилъ на немъ группу дѣтей, въ играхъ своихъ изображавшихъ церковныя обряды, между прочимъ крещеніе, при чемъ одинъ изъ мальчиковъ изображалъ собою епископа. Александръ позвалъ къ себѣ дѣтей

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 6.

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Григорія* Назіанзена похвальное слово Аѳанасію (рус. пер. твор. Григорія, ч. II); *Иеронима* каталогъ, с. 87; *Фотій* biblioth. cod. 23, 139, 140, 243, 246, 258, 259, 347, *Созомена* Ц. И. II, 17; *Сократъ* книги I—IV; *Созомена* Ц. И. кн. I—VI; *Теодоритъ* I, 20, 26, 33; *Кириллъ* Александр. ер. ad monachos; *Епифанія* haeres. 68, 69, 73, 77; *Руфина* hist. eccles. X (I) 5, 14 и др., XI (II) 3. Сочиненія самого Аѳанасія, особенно апологія противъ Арія. Первая полная біографія Аѳанасія Gottfr. Hernant, Paris 1671—два тома. Tillemont, т. IX и въ monum. Ecclesiae t. VIII (цѣлая половина тома). Cave, т. I, p. 191 sq., Du-Pin, т. II, p. 39 sq. Oudin, p. 325 sq. Ceiller, т. IV. Fabricius bibl. graec. V, p. 297—319. Montfaucon въ praefation. gener. ad edit. Benedict., Paris, 1698. Ceiller, histoire generale t. X. IV (по изд. 1860 г.). Weisenbachii—eloqu. Patrum, III, p. 36 sq. *А. В. Горскаго*: „Жизнь св. Аѳанасія“ въ прибавл. къ Твор. св. Отцовъ 1851 г., т. IX. *Е. И. Ловягина*: „О заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріянствомъ“. 1850 г. *А. Поповичаго*: „О пасхальныхъ посланіяхъ св. Аѳанасія“ въ „Странникъ“ 1862 г. Walch, Entw. volst. Geschich. d. Ketzereien, Spaltungen, et caet. Leipzig, 1762 г. Heffele, Conciliengeschichte, Freiburg und Breisgau, 1855—1869 г. Böhringer, Athanasius und Arius, oder erste grosse Kampf der Orthodoxie und Heterodoxie.

и изъ разспросовъ убѣдился, что имъ въ точности извѣстно все церковное чиноположеніе. Епископствовавшего въ играхъ звали Аѳанасіемъ. Представлявшихъ пресвитеровъ и діаконовъ св. Александръ передалъ ихъ родителямъ, взявъ клятву съ нихъ, что они воспитаютъ ихъ для Церкви и приготовятъ къ тому, чему они подражали въ играхъ, а Аѳанасія взялъ подъ свое непосредственное попеченіе. Такъ рассказываетъ Созоменъ ¹⁾. Изъ этого разсказа видно, что родители Аѳанасія были христіане, хотя и не извѣстно, къ какому классу общества они принадлежали. Когда Аріане называли его „испешшимъ изъ самой крайней низости“, „ничѣмъ не отличающимся отъ чернорабочихъ“ ²⁾, то, можетъ быть, это было отчасти справедливо. Подобнымъ образомъ и время его рожденія относятъ лишь предположительно къ 296—298 гг., на томъ основаніи, что у него есть сочиненія, писанныя до появленія аріанства (слово

Austgart 1874. Atzberger: die Logoslehre des Athanasius. München 1880. Moe-ler: Athanasius der Grosse und Kirche seiner Zeit besonders im Kampfe mit Arianismus, Tübingen, 1827 и 1844 г. (два изданія). Французскій переводъ сочиненія Мелера (капитальное сочиненіе объ этомъ отцѣ): Athanase le grand et L'église de son temps en lutte de l'arianisme. Bruxelles, 1841 г. два тома. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1863 г.: „Св. Аѳанасій Александрійскій“ (переводъ изъ книги Штекля, сод. характеристику философскихъ воззрѣній Аѳанасія). Болѣе подробныя свѣдѣнія о матеріалахъ и пособіяхъ для изслѣдованія Аѳанасія см. у Панина § 117 и въ статьѣ С. Терновскаго въ „Прав. Собесѣдн.“ 1885 г. Мартъ.

Издаваться начали сочиненія Аѳанасія съ 1481 г.; въ 1527 г. вышло Базельское изданіе Эразма и было повторено въ 1556 г., въ 1601 г.—Гейдельбергское. Лучшія изданія его сочиненій: 1) Opera S. Athanasii, graece et latine (curante I. Piscatore), Paris 1626—1627. 2) Ed. Montfaucon, Paris, in 3 vol. 1698. 3) Дополненія къ этому изданію въ collectio nova Patrum et scriptorum graecorum, t. II, 1706 года, того-же Монфокона 4) Ed. emendata et. aucta (per episcopum Patavian. N. Aut. Justinianum) ed. Patav. et. Lips. in 4 vol. 1777. 5) Пасхальныя посланія св. Аѳанасія—The festal. lettres of Athanasius, discovered in an ancient Syria version and edited by W. Curton, London 1846 и 1848. Англійскій ихъ переводъ 1854, нѣмецкій—1852 г.; они же изданы въ nova Patrum bibliotheca Romae Aug. Maji, 1844—1871, въ VI томѣ. 6) Migne, Patrol. curs. completus, t. XXV—XXVIII (ser. graeca).—Въ русскомъ переводѣ творенія Аѳанасія изданы въ 4-хъ томахъ въ 1851—1854 годахъ Московск. академіей въ изданіи ея: „Творенія св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ“; кромѣ того по частямъ въ „Воскресномъ Чтеніи“ (за 1824, 1833, 1837, 1838, 1839, 1842, 1845, 1847 годы). Здѣсь есть сочиненія, не вошедшія въ Московское изданіе.

¹⁾ Ц. И. II, 17 (по русс. изд. стр. 118—119).

²⁾ Твор. Аѳанасія, въ русс. перев. Моск. акад. т. II, стр. 36.

противъ язычниковъ и слово о воплощеніи Бога-Слова), а также въ виду упрековъ Аріанъ, что онъ возведенъ былъ въ епископы ранѣе каноническаго возраста.

„Подъ благимъ руководствомъ Александра, продолжаетъ историкъ, Аѳанасій получилъ воспитаніе у грамматиковъ и риторовъ, и еще до епископства являлъ себя предъ собесѣдниками мужемъ мудрымъ и краснорѣчивымъ“. Неизвѣстно, кто именно были учителями Аѳанасія; но въ Александріи не могло быть недостатка въ людяхъ науки и вполнѣ хорошихъ учителяхъ, особенно для лицъ, образованіемъ которыхъ брался руководить самъ епископъ, завѣдывавшій знаменитымъ огласительнымъ училищемъ. Аѳанасій прошелъ общеобразовательный курсъ училища—то, что называлось въ немъ еще со временъ Оригена ἐγκυκλία ¹⁾, вѣроятно подъ руководствомъ учителей Александрійскаго училища. Хотя Григорій Богословъ и говоритъ, что Аѳанасій „не много времени употребилъ на изученіе наукъ общеупотребительныхъ, лишь для того, чтобы не казаться совершенно не знающимъ того, что почиталъ достойнымъ прервѣнія“ ²⁾, но конечно это замѣчаніе допускаетъ ограниченіе, такъ какъ съ одной стороны Григорій, прослушавшій курсъ внѣшней мудрости въ Аѳинской языческой академіи и всю жизнь не оставлявшій научныхъ занятій, судить здѣсь по объему собственныхъ познаній во внѣшней мудрости, а съ другой—видимо въ этомъ своемъ сужденіи Григорій руководится проповѣднической тенденціей восхвалить въ Аѳанасіи преимущественно мудрость божественную. Какъ-бы то ни было, въ сочиненіяхъ Аѳанасія („слово противъ язычниковъ“) мы видимъ полное знакомство съ языческой миѳологіей, какъ она излагается у греческихъ философовъ и поэтовъ, особенно у Платона и Гомера, а также съ римскими писателями. Въ тяжбахъ съ Аріанами Аѳанасій обнаружилъ полное знаніе тогдашнихъ обрядовъ и формъ судопроизводства и законовъ церковныхъ и гражданскихъ, въ каковомъ смыслѣ вполнѣ вѣрно усвояемое ему

¹⁾ О значеніи этого слова см. Оригена in Psal. XXXVI hom. 3 (op. Orig. ed. Lomatz, t. 12, p. 189). Также Григорія Неокесар. похвал. слово Оригену въ пер. Пѣвницкаго. Труды Кіевской Акад. 1883.

²⁾ Похв. слово Аѳанасію. рус. пер. твор. Григорія, т. II стр. 180.

Сульпиціемъ Северомъ названіе „законовѣда“ (jurisconsultum) 1). Но главное вниманіе при образованіи Аѳанасія естественно сосредоточено было на изученіи Св. Писанія, всѣ книги котораго, по словамъ Григорія, онъ изучилъ такъ, какъ иной не изучитъ и одной“,— въ чемъ руководителями для него были „свидѣтели (μάρτυρες) Божества Христова“ 2), т. е. исповѣдники временъ Діоклитіанова гоненія, вѣроятно изъ числа наставниковъ Александрійскаго училища, каковъ на примѣръ былъ св. Петръ, впоследствии епископъ Александрійскій. Къ этому присоединялось самостоятельное изученіе творевій Оригена, по его значенію въ Церкви въ это время обязательное и неизбежное. Завершеніемъ всего его развитія было нравственно-аскетическое образованіе, полученное имъ чрезъ близкія сношенія съ тогдашними великими египетскими подвижниками (особенно съ Антоніемъ), къ числу которыхъ, по свидѣтельству цѣлаго собора 3), принадлежалъ по своему образу жизни самъ Аѳанасій. Живя вмѣстѣ съ Александромъ въ качествѣ завѣдывающаго письменными его сношеніями (ὁμοδιαιτος καὶ ὑπογραφεύς, по выраженію Созомена), какъ сынъ съ отцемъ, по словамъ Кирилла Александрійскаго, „при остротѣ ума, кротости и непримѣрномъ благоразуміи, руководя его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ указывая ему лучший путь“ 4), Аѳанасій въ 319 г. былъ возведенъ въ санъ діакона, а ко времени Никейскаго собора— и архидіакона (τοῦ ἡρώου δὲ διακόνου ἠγούμενος, по Θεодориту 5). При первомъ обнаруженіи ереси Арія Аѳанасій явился энергическимъ помощникомъ своего епископа въ борьбѣ съ нею, и въ виду вышеприведенныхъ словъ Кирилла, можно предполагать, что онъ былъ главнымъ дѣятелемъ противъ ереси уже въ это время, и вѣроятно ему принадлежитъ редакция писемъ и окружныхъ посланій Александрійскаго епископа о ереси, писанныхъ до Никейскаго собора. На самомъ

1) Сульп. Северъ *histor. sacra lib. II, c. 36. Migne, ser. lat. t. XX. col. 149.*

2) Аѳанасій въ словѣ о воплощеніи. рус. изд., т. I, стр. 158.

3) Аѳанасій, защит. слово противъ Аріянь. рус. изд., т. I. стр. 199.

4) *Epist. I ad monachos Aegypti.* См. также самого Аѳанасія апол. противъ Аріянь.

5) Ц. И. I, 26.

соборѣ Аѳанасій былъ однимъ изъ болѣе видныхъ дѣятелей, по свидѣтельству всѣхъ историковъ ¹⁾. Мѣсяцевъ черезъ пять по окончаніи собора скончался св. Александръ, назначивъ своимъ преемникомъ Аѳанасія, который былъ въ это время въ отсутствіи. Аѳанасій уклонялся отъ епископства, но единодушная воля народа побудила его принять оное. Такимъ образомъ будучи не болѣе тридцати лѣтъ, онъ сталъ во главѣ всей Церкви, ибо архіепископъ Александрійскій былъ не только митрополитомъ Египта, Ливіи и Пентаполя, но и вселенскимъ папой, первымъ іерархомъ Церкви, по канонамъ вселенскаго собора. Съ тѣхъ поръ до самой его кончины (326—373 г), въ продолженіе почти полстолѣтія, исторія православной Церкви сливается неразрывно съ именемъ Аѳанасія. Въ продолженіе всего этого времени онъ ведетъ борьбу за православіе, ни на минуту не находя покоя, и однакожъ никогда не изнемогая и не чувствуя усталости, среди самой тяжелой внѣшней обстановки обнаруживая истинно героическое мужество, неустрашимость и непреклонность, несокрушимую энергію, стремительность, находчивость и твердость духа, равно чуждый и малодушія, и страстнаго раздраженія, всегда сдержанный, ища не смерти для себя, а побѣды для православія, выступая лишь при возможности торжества, и уклоняясь отъ борьбы, когда она не обѣщала успѣха. Императоръ Константинъ, поддавшись клеветамъ Аріанъ, гнѣвался на него и грозилъ ему, но выслушавъ его объясненія, извинялся предъ нимъ и называлъ его другомъ Божиимъ. Констанцій, безопасный на своемъ престолѣ, боялся ²⁾ Аѳанасія. Юліанъ съ судьбою Аѳанасія соединялъ судьбу всего христіанства, въ погибели его надѣялся видѣть торжество язычества. Пять разъ удаляемый на болѣе или менѣе продолжительное время съ своей кathedры, онъ не переставалъ руководить защитой православія изъ своего изгнанія, и въ то время, какъ долженъ былъ скрываться то въ камышахъ на островахъ Нила, то въ высохшихъ цистернахъ и полуразвалившихся языческихъ храмахъ и пирамидахъ, то сре-

¹⁾ Руфинъ I, 5; Сократъ I, 17; Созоменъ I, 17; Θεодоритъ I, 26.

²⁾ См. твор. Аѳан. въ русс. переводѣ, т. II, стр. 96—97.

ди Оивайдскихъ отшельниковъ, отвѣчая оттуда своимъ врагамъ посланіями своей паствѣ, благоговѣйно и послушно внимавшей каждому его слову. Многочисленные и могущественные враги боялись его еще болѣе, чѣмъ ненавидѣли. Когда возстановляемый въ своихъ правахъ изгнанникъ возвращался на свою кафедру, его прибытіе въ Александрію имѣло видъ триумфальнаго шествія побѣдителя; народъ, клиръ и епископы соединялись въ восторженной процессіи, встрѣчая его, и все населеніе страны ликовало, какъ въ самыя священные торжественные моменты своей исторіи; церкви наполнялись молящимися, возсылавшими Богу горячія хвалы благодаренія. Его и его дѣятельность справедливо сравнивали то съ дубомъ, который во время бури остается непреклоннымъ и послѣ каждаго удара грозы снова предстаетъ предъ зрителемъ во всей своей величественной силѣ,—то съ лавиной, которая, падая, издали даетъ знать о себѣ и съ непреодолимой силой сокрушаетъ всѣ препятствія,—то съ вулканомъ, который, затихая на время, неожиданно проявляетъ свою, приводящую въ ужасъ, дѣятельность. Справедливо замѣчаютъ ¹⁾, что его борьба принесла больше пользы христіанству и православію, чѣмъ все могущество самого императора Константина. Его слово, по весьма удачному сравненію св. Кирилла Александрійскаго, было цѣлительнымъ бальзамомъ, оживлявшимъ истинно христіанское сознаніе во всей поднебесной ²⁾. Говоря словами Григорія Богослова, его жизнь и нравы суть правила для епископовъ, его догматы—законы православія. Послѣ Оригена ни одинъ изъ церковныхъ учителей не имѣлъ такого сильнаго и продолжительнаго вліянія на послѣдующихъ христіанскихъ богослововъ, какъ Аванасій. Ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ усвоенныя ему Церковію названія „непобѣдимаго защитника вѣры“, „Великаго“ и „Отца православія“ ³⁾. Скончался Аванасій 2 мая 373 г.

Легко понять, что среди столь бурной и тяжелой жизни, ка-

¹⁾ Willemain, tableau d'éloquence chrétienne au IV siècle, изд. 1854 г., стр. 90. Его выраженіе повторяетъ Lutz

²⁾ Epist. ad presbyterios et ceteros, въ актахъ Ефесскаго собора. I, с. 1.

³⁾ Eriphanii haeres. LXIX, 2.

кою была жизнь Аѳанасія, его учено-литературная и проповѣдническая производительность не могла быть особенно обильною. Число несомнѣнно подлинныхъ его сочиненій, сохранившихся до настоящаго времени, не превышаетъ пятидесяти отдѣльныхъ названій. Многія изъ его сочиненій не сохранились до нашего времени, какъ на примѣръ его посланія, писанныя изъ изгнанія для публичнаго прочтенія въ церквахъ, и извѣстныя подъ именемъ (*ἑορταστικαὶ ἐπιστολαὶ*); но съ другой стороны многое, ему приписываемое, несомнѣнно ему не принадлежитъ.

Степень литературнаго достоинства сочиненій Аѳанасія оцѣнивается не одинаково. Фотій, а за нимъ и Боссюэтъ безусловно превозносятъ ихъ похвалами, удивляясь столько-же величію его идей, сколько ясности и чистотѣ его рѣчи, благородству, изяществу, красотѣ и силѣ его языка, его необычайному умѣнью, въ діалектическихъ разсужденіяхъ о предметахъ самыхъ трудныхъ и малопонятныхъ, предлагать мысли самыя чистыя и возвышенныя, рѣчью, соотвѣтствующею вполне достоинству предмета, художественно украшенною ¹⁾. Не менѣе восторженно говорить о немъ Dupin, который также удивляется той простотѣ и ясности, съ какою онъ безъ особеннаго труда въ возможной степени полноты выясняетъ возвышеннѣйшія и таинственнѣйшія истины ученія христіанскаго и неотразимо опровергаетъ почти всѣ заблужденія, какія въ его время еще нуждались въ опроверженіи ²⁾. *Лютцъ*, находя въ сочиненіяхъ Аѳанасія всевозможныя достоинства—возвышенность, простоту, убѣдительность, находитъ въ нихъ недостатокъ разнообразія въ слогѣ и замѣчаетъ, что однако Аѳанасій создатель былъ для дѣла, для борьбы, для господства, а не для краснорѣчія, излагающаго правочленіе изящною, легкою и плавною рѣчью ³⁾. Мѣлеръ, двухтомное сочиненіе котораго объ Аѳанасіи составляетъ лучшее изслѣдованіе въ литературѣ о великомъ отцѣ Церкви, судитъ нѣсколько иначе. По его словамъ, рѣдко ме-

¹⁾ Bossuet: *Defens. de la tradit. et des ss. Pères*, part. 1, t. IV, c. XII. Photius, *bibliotheca*, cod. CXL, CXLI, CCXXXIX.

²⁾ См. Altzog, *Patrologie* (франц. переводъ). Paris, 1877, стр. 301.

³⁾ *Handbuch der Katholischen Kanzelberedsamkeit*. Tübingen, 1851, стр. 165.

тодичный, Аѳанасій, пиша свои сочиненія большею частію въ пшлу негодованія и среди опасностей для себя, пиша поѣтому спѣшно, побуждаемый настоятельною необходимостію возможно скорѣйшей оцѣнки новыхъ обстоятельствъ въ борьбѣ или оповѣщенія вновь найденныхъ учителемъ доказательствъ, опровергающихъ заблужденія, при этомъ нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ повторяется ¹⁾). По словамъ Паниля ²⁾, въ сочиненіяхъ Аѳанасія видна рѣшительность и сила убѣжденія, точное знаніе догматики и большое діалектическое искусство въ полемикѣ. Но ему недостаетъ философскаго духа и систематическаго порядка. Его экзегезисъ—толкованія на псалмы—мелочень, недостаточень, а иногда и ошибочень. Онъ болѣе догматистъ, чѣмъ экзегетъ, болѣе богатъ духомъ и вдохновенъ, чѣмъ ученъ. Онъ не могъ заняться тщательной обработкой своихъ сочиненій, по причинѣ полного отсутствія условій, сколько-нибудь благопріятныхъ для такого занятія. Всѣ его работы появлялись быстро и немедленно по вызову необходимости и носятъ слѣды спѣшности и быстроты. „Но при всемъ томъ, продолжаетъ Паниль, съ точки зрѣнія краснорѣчія его сочиненія стоятъ очень высоко. Они легки и ясны, живы, бизыскусственны, полны силы и огня, и всегда обнаруживаютъ врожденный автору даръ ³⁾ краснорѣчія“. Къ этимъ сужденіямъ слѣдуетъ прибавить, что между сочиненіями Аѳанасія нѣкоторыя безусловно превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ: таковы прежде всего его „слово противъ язычниковъ“ и „слово о воплощеніи Бога-Слова“. Написанныя въ годы юности, еще до появленія аріанства, когда авторъ пользовался достаточно свободнымъ временемъ, они носятъ на себѣ отпечатокъ не только полнаго знанія предмета и свѣжести мыслей, но также впол-

¹⁾ Alzog. Patrologie (фр., пер.) стр. 300.

²⁾ Pragmat. Geschichte der Chr. Beredsamkeit § 117, стр. 370.

³⁾ Говоря такимъ образомъ, Паниль повторяетъ Эразма Роттердамскаго (въ ecclesiastes), который высказываетъ очень высокое мнѣніе объ учительствѣ Аѳанасія: Athanasius in docendo mirus est, nec dubito, quin sui similis fuerit in concipiendo, si extarent illius orationes. Онъ-же въ praefatio versorum a se quorundam Athan. scriptor. ad Joannem Lincolniensem, говоритъ: „Аѳанасій имѣлъ нѣчто настоящее διδαχτικόν апостола Павла“.

нѣ художественнаго изложенія, построенія и языка, вообще всѣхъ качествъ, свойственныхъ начинающему даровитому писателю. За ними по степени достоинства слѣдуютъ: „четыре слова противъ арианъ“, представляющія не эпизодическое, а систематическое изложеніе и опроверженіе арианства, -- ими пользовались, какъ первоисточникомъ, Иларій, Григорій Богословъ и Василій Великій, — они представляютъ лучшее, что писано по этому предмету. Затѣмъ слѣдуютъ: „посланія къ Драконцію“, „апологія о своемъ бѣгствѣ“, а особенно „апологія къ Констанцію“, которую Аѳанасій намѣревался произнести лично предъ императоромъ и потому обработалъ съ особенною тщательностію. Искусственныхъ риторическихъ украшеній въ сочиненіяхъ Аѳанасія меньше, чѣмъ у Григорія и Василя, но у него больше, чѣмъ у нихъ, величія и возвышенности рѣчи. У него нѣтъ того метра и округленности фразъ, какія находимъ у великаго художника слова — Григорія; его рѣчь имѣетъ болѣе естественную прелесть, чѣмъ искусственную. Нѣтъ у него также легкаго, плавнаго краснорѣчія Златоуста; въ своей рѣчи онъ больше кратокъ, сжать, сентенціонаренъ, чѣмъ Златоустъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь его имѣетъ большую остроту, точность и выразительность. Указываютъ въ сочиненіяхъ Аѳанасія нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, которыя по степени художественности и по чисто-ораторскому достоинству сравниваются съ лучшими произведеніями ораторства античнаго. Такъ, слова Аѳанасія въ апологіи къ Констанцію: „предъ твоимъ благочестіемъ заявляю яснымъ и громкимъ голосомъ, простерши руку, какъ научился у апостола, *свидѣтеля Бога призываю на мою душу* (2 Кор. I, 23), и какъ написано въ царственныхъ исторіяхъ, да позволено будетъ и мнѣ сказать: свидѣтель Господь, и свидѣтель Христосъ Его (1 Цар. XII, 5), что о твоемъ благочестіи никогда не упоминалъ я худо“¹⁾, приводятъ Лютцу на память подобное-же классическое мѣсто — родъ государственной присяги — у Демосѳена въ рѣчи про согопа. Подобнымъ образомъ то мѣсто этой апологіи²⁾, гдѣ Аѳанасій

¹⁾ См. твор. Аѳан. въ русс. переводѣ, т. II, стр. 7.

²⁾ Тамъ-же, стр. 11—15.

оправдывается отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ „дѣволомъ“, Магненціемъ, Лютцъ находитъ сходнымъ съ введеніемъ къ пятой рѣчи Цицерона противъ Верреса. Письмо къ Епиктету, хотя писано и не въ юности, юношески увлекательно и сильно. Изъ прочихъ его сочиненій особенно высоко цѣнилась „жизнь св. Антонія“, которую еще Иеронимъ и Августинъ превозносили за увлекательность разсказа, ясность и задушевность мыслей и чувствъ ¹⁾. Превосходныя мѣста находятся также въ посланіяхъ къ епископамъ Египта и Ливіи (призывъ къ мужеству въ борьбѣ съ ересью, изображенія лукавства еретиковъ и мелетіанъ и т. д.).

Что Аѳанасій, обладая вполне даромъ импровизаціи, проповѣдывалъ изустно въ церкви настолько часто, насколько представляли къ тому возможности бурныя обстоятельства его жизни, это не подлежитъ сомнѣнію. Когда Аріане влагаютъ въ уста императора Констанція, въ его посланіи къ Александрійцамъ ²⁾, обвиненіе Аѳанасія въ томъ, что онъ „жаждущихъ истины обольщаетъ какъ во тьмѣ, увлекая ко лжи *никогда не предлагаетъ плодотворнаго слова*, совращаетъ-же какимъ-то обаяніемъ и пустыми вещами“, то это, конечно, было не чѣмъ инымъ, какъ ложью, между прочимъ и потому, что въ томъ-же посланіи онъ обвиняется и въ излишнемъ пустословіи ³⁾. Сообразно съ упомянутою ложью объ Аѳанасія, внушенною Аріанами, Констанцій въ письмѣ къ нему „поставляетъ ему въ обязанность, какъ прилично епископу, учить народъ тому, что требуетъ Божественная вѣра“... ⁴⁾. Какъ-бы отвѣчая на эти упреки Аріанъ, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ: „ему немного нужно было словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, потому что достаточно было слова“... ⁵⁾. Въ разное время издано было до тридцати восьми проповѣдей (*sermo—λόγος* и *homilia—ὁμιλία*) подъ именемъ Аѳанасія, не говоря

¹⁾ Тамъ же т. II, стр. 36.

²⁾ Тамъ-же т. II, стр. 36.

³⁾ Тамъ-же т. II, стр. 37.

⁴⁾ Тамъ-же т. II, 98.

⁵⁾ Твор. Григ. Бог. въ рус. перев. т. II, стр. 184.

о сочиненіяхъ, не имѣющихъ заглавія проповѣдей (*liber, libellus*), но имѣющихъ нѣкоторые внѣшніе ихъ признаки. Но всѣ они въ настоящее время признаются или сомнительными, или и несомнѣнно не принадлежащими Аѳанасію, и вообще библиографія его сочиненій доселѣ отнюдь не установлена твердо. Если даже и признать нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей подлинными, то онѣ частію такъ длинны, что далеко превосходятъ обычный объемъ проповѣди, частію-же такъ догматически отвлеченны, что если и могли быть понятны слушателямъ его времени, то не вполне отвѣчаютъ установившемуся понятію о проповѣди. Кромѣ нѣсколькихъ общихъ увѣщаній къ благочестію, онѣ не обсуждаютъ ни одного предмета нравственнаго ученія, но вращаются всецѣло въ области догматики и полемики. Кромѣ того въ нихъ меньше логической послѣдовательности и внѣшней стройности, чѣмъ въ прочихъ сочиненіяхъ, что обыкновенно и служитъ главнымъ основаніемъ для отрицанія подлинности однихъ изъ нихъ (18 ти поученій, помѣщенныхъ у Монфокона), такъ какъ не могутъ объяснить, какимъ образомъ учитель, владѣвшій тѣмъ замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія, который обнаружился въ „словѣ противъ язычниковъ“, „въ посланіи къ Драконцію“, въ „апологіи къ Констанцію“, могъ допустить подобныя слабости. Подлинность другихъ оспаривается частію на основаніи встрѣчающихся въ нихъ выраженій и вообще языка, якобы не свойственнаго Аѳанасію, частію на томъ основаніи, что въ нихъ идетъ рѣчь отчасти уже о несторіанствѣ и еutihianствѣ,—явленіяхъ позднѣйшихъ ¹⁾. *Migne* однѣ изъ нихъ относитъ къ *dubia*, другія — къ *spuria*. Основанія, по которымъ отрицается или заподозривается ихъ подлинность указаны, у него-же, отчасти въ *praefatio* XXV тома греческой Патрологіи, гдѣ онѣ собраны, частію въ отдѣльныхъ краткихъ предисловіяхъ къ каждой изъ проповѣдей. Съ своей стороны не считая себя въ правѣ давать категорическое рѣшеніе вопроса о подлинности приписываемыхъ Аѳанасію проповѣдей, мы думаемъ, что по крайней мѣрѣ стилистическіе недостатки ихъ сами по себѣ еще не могутъ

¹⁾ Hieron. *epist.* 127 ad principiam, Augustin., *confessiones* 8, 13, 19, 28.

служить основаніемъ для отрицанія ихъ принадлежности Аѳанасію. Эти недостатки легко могутъ быть объяснены, какъ и подобные-же недостатки другихъ, несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Аѳанасія, не искусствомъ скорописцевъ — *ταχύγραφοι*, спѣшностью, съ какою онѣ составлялись авторомъ, ихъ импровизационнымъ происхожденіемъ. Впрочемъ, если и признать ихъ подлинными произведеніями Аѳанасія, — по своему достоинству онѣ таковы, что ничего не прибавляютъ къ его славы.

Не смотря на все выше сказанное, имя Аѳанасія имѣетъ полное право быть упомянутымъ въ исторіи проповѣди. Право Аѳанасія на почетное мѣсто въ исторіи проповѣди основывается не столько на его проповѣднической дѣятельности, сколько на томъ, что сумма богословскихъ идей, внесенныхъ имъ въ общехристіанское сознаніе Церкви, дала обильный матеріалъ для современной ему и послѣдующей христіанской проповѣди, что на почвѣ этихъ идей развивалось все содержаніе догматической проповѣди IV и ближайшихъ послѣдующихъ вѣковъ. Независимо отъ этого, въ самыхъ сочиненіяхъ Аѳанасія, не относящихся непосредственно къ области проповѣди, господствуетъ чисто проповѣдническая тенденція, а иногда и чисто проповѣдническая концепція предмета. Не только его „слова“ (слово противъ язычниковъ, слово о воплощеніи, четыре слова противъ Аріанъ), но и самыя его посланія и другія сочиненія имѣютъ исходнымъ своимъ пунктомъ не спекулятивное мышленіе, не тотъ оригенистическій религіозно-научный гносисъ, для котораго истина религіознаго ученія есть искомое: все это было именно тѣмъ, что видѣлъ Аѳанасій у Арія въ его еаліяхъ ¹⁾ и противъ чего онъ боролся. Его точкой отправленія былъ церковный авторитетъ, преданіе, та церковная *πίστις*, которая была вѣрою мучениковъ и всей Церкви первенствующей, которая содержалась въ словѣ Божіемъ и въ писаніяхъ первыхъ отцовъ Церкви и въ единомысленномъ исповѣданіи всего народа церковнаго, — которую защищали Иринеи и Тертуліанъ. Въ своихъ превосходныхъ разсужденіяхъ Аѳанасій не создаетъ новой доктрины, а лишь

¹⁾ См. Твор. Аѳанасія въ рус. перев. т. II, стр., 162.

выясняетъ ученіе Церкви, формулируетъ его въ подробностяхъ, чтобы укрѣпить православно-церковное сознание въ вѣрующихъ; умною и утонченною діалектикою онъ лишь опровергаетъ возраженія еретиковъ ¹⁾. Увѣщанія у него всегда идутъ объ руку съ доказательствами, порицанія—выѣстъ съ опроверженіями и такимъ образомъ концепція его сочиненій оказывается въ концѣ концовъ гомилетическою, проповѣдническою. Возвышенно-ораторское, энтузіастическое одушевленіе предметомъ неизмѣнно сопутствуетъ ему, о чемъ-бы и въ какой-бы формѣ онъ ни разсуждалъ—въ посланіяхъ, также какъ въ „словахъ“, хотя эти слова суть слова—*λόγοι* отнюдь не въ гомилетически терминологическомъ смыслѣ, а въ такомъ значеніи, въ какомъ обозначались этимъ названіемъ научно-литературныя произведенія христіанскихъ писателей II вѣка, напримѣръ, Климента Александрійскаго *λόγος παραησετικός* ²⁾.

Евсевій, епископъ Эмесскій ³⁾.

Нѣсколько съ большимъ правомъ, чѣмъ Аѳанасій, занимаетъ мѣсто въ исторіи проповѣди одинъ изъ его противниковъ, Евсевій, епископъ Эмесскій. Онъ былъ родомъ изъ Эдессы въ Месопотаміи ⁴⁾, происходилъ изъ знатнаго семейства, съ дѣт-

¹⁾ Ученіе Аѳанасія въ сжатомъ видѣ хорошо изложено у Альцога, *Patrologiae* стр. 301—319. Также соч. Voigt, *doctrine d'Athanase*, Bremen 1861.

²⁾ Лютцъ, ссылаясь на апологію къ Констанцію, гдѣ Аѳанасій рассказываетъ, что церкви въ Александріи до такой степени наполнялись молящимися, что не только дѣтей, но и взрослыхъ выносили изъ нихъ задушенными (т. II, 19 по русск. пер.) и на исторію аріанства для монаховъ, гдѣ говорится, что многіе дома по благочестію обратились въ домашнія церкви (по русск. пер. т. II, 99), видитъ въ этомъ доказательство дѣйствительности проповѣди Аѳанасія. Но въ контекстѣ рѣчи въ этихъ мѣстахъ нѣтъ основанія для такого объясненія.

³⁾ О немъ: *Иеронимъ*, каталогъ ХСІ, СХІХ, хроника ad ann. 351 (по русск. изд. сочин. Иеронима т. V, стр. 333, 340, 399). *Епифаній*, *Haeres.* 73, с. 25. *Сократъ* Ц. II, 9. *Созоменъ* Ц. II, 6. *Ebed Jesu catalog.* in *Assemani biblioth. orientalis* т. III, р. 44. *Dupin* т. II, р. 73. *Tillemont Memoir.* т. VI, р. 134 sq. *Oudin* т. I, р. 390. *Cave* т. I, р. 207. *Ernesti narr. de interpr. proph.* р. 948. *Ceiller, hist. gener. edit.* 1860 г. 318—320. *Филаретъ* Истор. уч. § 96.

⁴⁾ *Сократъ* Ц. II, 9.

ства любилъ заниматься Св. Писаніемъ ¹⁾, потомъ изучалъ греческую словесность въ отечественномъ городѣ ²⁾, далѣе въ Кесаріи обучался подъ руководствомъ Евсевія Кесарійскаго, Патрофила, епископа Миѳопольскаго (одного изъ вождей арианства), оттуда перешелъ въ Антиохію, гдѣ пользовался наставленіями епископа Евѳрова, преемника Евстафія и Флакилла; изъ Антиохіи переселился въ Александрію, гдѣ изучалъ философію. Послѣ удаленія Аѳанасія изъ Александріи, за свое благочестіе, краснорѣчіе и ученость онъ былъ избранъ Аріанами на его мѣсто, но узнавъ о преданности всего населенія своей епархіи изгнанному епископу, онъ отказался заступитъ его мѣсто и принялъ епископство Эмесское въ Финикіи. Скончался въ 359—360 г. По словамъ Сократа и Созомена, Аріане обвиняли его въ савелліанизмѣ, православные — въ арианствѣ; Евсевій Кесарійскій называетъ его даже вожакомъ арианства. Но по всей вѣроятности и то и другое обвиненіе было несправедливо и онъ, кажется, подобно Евсевію Кесарійскому, уклонялся отъ борьбы партій, и въ своей проповѣди, которую Иеронимъ хвалитъ за популярность, былъ представителемъ древне-церковной простой *πλότης*, какъ единственно любимой народомъ, и избѣгалъ всѣхъ новѣйшихъ умозрѣній въ области христіанскаго вѣроученія Императоръ Констансъ такъ высоко цѣнилъ его, что бралъ его съ собою въ походъ противъ Персовъ (въ 338 г.). Особенно онъ славился, какъ человѣкъ, преданный научнымъ занятіямъ и замѣчательно образованный классически, за чтó его превозносятъ похвалами: Сократъ, Созомень и Иеронимъ. Эмесское общество подозрительно смотрѣло на его занятія астрономіей, смѣшывая ее съ астрологіей, чтó послужило причиной временнаго удаленія его изъ своей епархіи къ Георгію епископу Лаодикійскому. Въ истолкованіи Св. Писанія онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые одинаково чуждались крайностей буквализма и аллегоризма, и предпочиталъ грамматически-логическое толкованіе Библіи, и въ этомъ смыслѣ нѣкоторые считаютъ его если не основателемъ, то главою Антиохійской экзегетической школы.

¹⁾ Созомень III, 6.

²⁾ Сократъ II, 9.

Не менѣ своей учености Евсевій славился, какъ проповѣдникъ. Иеронимъ, хотя не былъ его сторонникомъ, какъ и вообще не былъ сторонникомъ антиохійскаго богословія, называетъ его человѣкомъ высокаго ума, прекраснаго риторическаго образованія (*vir elegantis et rhetorici ingenii*), написавшимъ безчисленное множество сочиненій (*innumerales libri*), соотвѣтствовавшихъ вкусу народному, особенно усердно читавшихся тѣми, кто занимался изученіемъ ораторскаго искусства. Изъ этого „безчисленнаго множества“ сохранилось, впрочемъ, весьма небольшое, да и то, что сохранилось, извѣстно лишь библиографически, оставаясь доселѣ неизданнымъ. Подозрѣніе въ полуаріанствѣ, тяготѣвшее надъ нимъ, было, вѣроятно, причиною невниманія къ его сочиненіямъ и ихъ послѣдующей утраты. Во времена Иеронима было извѣстно много его краткихъ гомилій на Евангеліе, но и онѣ не дошли до насъ. Много приписывалось ему въ разное время изъ открываемыхъ древнихъ гомилетическихъ памятниковъ, но затѣмъ критика отрицала принадлежность ихъ Евсевию. Такъ изъ изданныхъ подъ его именемъ въ Кёльнѣ въ 1531 г. десяти поученій по манускриптамъ оказываются принадлежащими или Фавсту de Riez (1-е, 2-е, 3-е и 8-е), или Цезарію Арльскому (поученія 4-е, 5-е, 7-е, 9-е и 10-е); сто сорокъ пять гомилій, изданныхъ съ его именемъ въ Парижѣ въ 1554 г., оказались принадлежащими Брунову архіепископу-кардиналу, жившему около 1600 г. и т. д. и т. д. *Августин* ¹⁾ нашель въ 1820 г. три проповѣди съ именемъ Евсевія и приписалъ ихъ епископу Эмесскому; но *Тило* ²⁾ доказаль, что они принадлежатъ Евсевию, епископу Александрійскому, считая Евсевія Эмесскаго авторомъ: 1) фрагментовъ у Липоманія въ катенахъ на книгу Бытія р. 45, sq., и р. 1853; 2) фрагментовъ изъ толкованія на Дѣянія и на 2 посл. ап. Петра—(тамъ же); 3) фрагментовъ ненапечатанныхъ катень на кн. Числь, Второзаконія, Иисуса Навина, Судей, Руфъ, Исаи, Дѣяній апостольскихъ, посланій ап. Павла и со-

¹⁾ Eusebii Emesini opuscula, ed. Augusti, 1829 г.

²⁾ См. Ueber die Schriften des Eusebius von Alexandr. und Eusebius von Emisa. Halle, 1832 г.

борныя посланія; 4) *Oratio* или *tractatus* о покаяніи (*de poenitentia*; 5) „похвалы апостоламъ, мученикамъ и прочимъ святымъ“; 6) гомилію на притчу о сѣятелѣ; 7) гомилію на Рождество Христово и 8) отрывки изъ гомилій, находящихся въ армянскихъ кодексахъ. Но принадлежность и этихъ сочиненій Евсевію Эмесскому не доказана. Затѣмъ Тило, а въ слѣдъ за нимъ Паничъ усиливается доказать принадлежность ему двухъ первыхъ гомилій (*de fide, libri duo*) изъ тѣхъ изданныхъ Сирмондомъ подъ именемъ Евсевія Кесарійскаго XIV *opuscula* (которыя мы разсмотрѣли, когда говорили о проповѣдяхъ отца церковной исторіи), указывая на то, что прекрасный легкій слогъ и живой языкъ этихъ двухъ проповѣдей ближе подходитъ къ слогу Эмесскаго, чѣмъ Кесарійскаго Евсевія, что онѣ чужды спекулятивныхъ формъ догматствованія, къ которымъ былъ склоненъ Евсевій Кесарійскій, но которыхъ былъ чуждъ Эмесскій, что въ этихъ словахъ прекрасно отражается миролюбивое настроеніе—*irginische Tendenz*, которымъ характеризуется личность Эмесскаго. Тило думаетъ, что эти рѣчи произнесены Евсевіемъ Эмесскимъ именно на Антиохійскомъ соборѣ (341 г.), на которомъ, по сказаніямъ историковъ, онъ „блисталъ своимъ краснорѣчіемъ“. Съ своей стороны мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и считаемъ „двѣ книги о вѣрѣ“ произведеніемъ Евсевія Кесарійскаго, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) и онъ бывалъ на соборахъ своего времени и могъ обращаться къ присутствующимъ съ тѣми прекрасными внушеніями мира и согласія, и съ тѣми порицаніями раздѣленія, какія мы находимъ въ концѣ втораго слова;—„ириническая тенденція“ Евсевію Кесарійскому была еще болѣе присуща, чѣмъ его ученику Евсевію Эмесскому; 2) сходство въ содержаніи „двухъ книгъ о вѣрѣ“ съ книгой Евсевія Кесарійскаго противъ Маркелла, на которое указываетъ и самъ Тило, замѣчая, что не было надобности автору сочиненія противъ Марцелла повторяться въ словахъ о вѣрѣ,—доказываетъ, напротивъ, по нашему мнѣнію, скорѣе принадлежность одному автору обоихъ сочиненій, изъ которыхъ въ одномъ говорится о предметѣ подробно и учено, а въ другомъ короче и ораторски; 3) сходство ораторской манеры „книгъ о вѣрѣ“ съ прочими (изданными Сирмондомъ

opuscula изъ XIV), несомнѣнно, какъ можно думать, принадлежащими Евсеію Кесарійскому, совершенно устраняетъ предположеніе, что авторъ „риторически-напыщеннаго“, какъ выражается Тило, слова на освященіе храма въ Тирѣ не могъ писать такъ легко и просто, какъ писалъ авторъ сочиненія о вѣрѣ, которымъ, будто-бы, могъ быть лишь Евсевій Эмесскій, *vir elegantis et rhetorici ingenii*, по замѣчанію Иеронима.

Такимъ образомъ несомнѣнно подлинными гомилетическими произведеніями Евсевія Эмесскаго, дошедшими до насъ, остаются лишь два отрывка, сохраненные Θεодоритомъ въ его діалогъ III ¹⁾, которые по справедливому замѣчанію Паниля, обнаруживаютъ въ авторѣ діалектическую быстроту въ развитіи мысли, остроумный способъ доказательствъ, наглядность и жизненность разсужденія, состоя изъ ряда краткихъ положеній, противоположеній, вопросовъ, истинно проповѣднически представляющихъ предметъ въ ясности и простотѣ.

Angelo Mai ²⁾ въ Ватиканской бібліотекѣ нашель древній кодексъ (XI в.), содержащій XXXIV гомиліи, озаглавленныхъ: *Incipit liber domui Eusebii, qui translatus est ex hebraeo in latinum*; изъ нихъ однако большинство—XXXII гомиліи—оказались изданными въ *Bibliotheca Patrum* подъ именемъ Евсевія Гальскаго (*Eusebii Gallicani*). Двѣ остальные проповѣди, произнесенныя въ праздникъ Пасхи, Май усвояетъ Евсеію Эмесскому на томъ основаніи, что они называются переведенными съ еврейскаго (точнѣе сирскаго) языка, на которомъ писалъ Евсевій Эмесскій; но они еще не изданы. Минъ приписываетъ Евсеію Эмесскому двѣ проповѣди, которыя Май, въ слѣдъ за другими относитъ къ произведеніямъ Евсевія Александрійскаго,—о сошествіи въ адъ, и о благовѣстіи заключеннымъ въ немъ, Іоанна (Крестителя)—*περὶ τῆς παρουσίας Ἰωάννου εἰς ἄδην, καὶ περὶ τῶν ἐκεί ὄντων*, и о предательствѣ Іуды—*εἰς τὴν προδοσίαν τοῦ Ἰούδα*, которыя обыкновенно соединяются въ древнихъ спискахъ въ одну подъ однимъ заглавіемъ. Хотя еще Левъ Алляцій, основываясь

¹⁾ Migne, p. c. c. s. gr. LXXXIII, col. 312—318. Здѣсь и Минъ замѣчаетъ, что это единственный фрагментъ изъ твореній Евсевія, сохранившійся до насъ.

²⁾ *bibl. nova*, t. II, 528.

на соображеніяхъ Симеона Метафраста, приписывалъ ихъ Евсеію Александрійскому, а Май издалъ ихъ въ новыхъ спискахъ съ именемъ Евсеія Александрійскаго, тѣмъ не менѣе Минь думаетъ, что названіе „Александрійскій“ приписывалось и Евсеію Эмесскому или по ошибкѣ, или потому, что Евсеій Эмесскій былъ и Александрійскимъ въ томъ смыслѣ, что въ Александріи получилъ свое философское образованіе ¹⁾.

Въ этой массѣ противорѣчивыхъ сужденій собирателей и изслѣдователей памятниковъ христіанской древности трудно разобратъ даже въ томъ случаѣ, если-бы тотъ или другой ученый изслѣдованіе о проповѣдяхъ Евсеія Эмесскаго сдѣлалъ предметомъ своего спеціальнаго изученія. Никому доселѣ не приходило въ голову заняться должнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о языкѣ, на которомъ проповѣдывалъ Евсеій Эмесскій. Весьма вѣроятно, что такимъ языкомъ былъ еврейскій или, точнѣе, сирскій, такъ какъ, судя по географическому положенію Эмессы, греческій языкъ не могъ быть языкомъ *эмесскаго общества*, да и самъ проповѣдникъ по происхожденію и образованію былъ сиріецъ. Но ни одной проповѣди на еврейскомъ языкѣ подъ именемъ Евсеія неизвѣстно. Кромѣ двухъ изданныхъ Май, Минемъ приписываемыхъ Евсеію, епископу Александрійскому, общій итогъ приписывавшихся въ разное время, по частямъ, Евсеію Эмесскому проповѣдей простирается до двухсотъ, но всѣ они извѣстны или на греческомъ языкѣ, или на латинскомъ; между тѣмъ въ исторіи извѣстно до семидесяти церковныхъ учителей съ именемъ Евсеія, въ томъ числѣ большинство грековъ и латинянъ ²⁾.

¹⁾ Migne, p. c. c. s. lat. t. LXXXVI, col. 505, прим. 20.

²⁾ Migne, p. c. c. s. gr. t. LXXXVI, col. 287, 311, 464 и въ другихъ мѣстахъ того же тома.

Св. Евстафій епископъ Антиохійскій ¹⁾.

Любимый народомъ ²⁾, по желанію котораго вопреки церковнымъ канонамъ былъ перемѣщенъ изъ Беріи Сирійской, гдѣ епископствовалъ, сначала на кафедрѣ Антиохіи, этой Римской столицы Востока, высоко уважаемый всею Церковію, которая устами отцевъ перваго вселенскаго собора утвердила его перемѣщеніе ³⁾ и предоставила ему честь привѣтствовать на соборѣ императора, — превозносимый Аѳанасіемъ, Златоустомъ, Иеронимомъ, Анастасіемъ Синаитомъ и другими, Евстафій принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ по заслугамъ и трудамъ для Церкви епископовъ IV вѣка (родился въ Памфилиі, въ г. Сиддахъ, скончался въ Филиппахъ около 345 г.).

Всеобщую любовь и уваженіе Евстафій стяжалъ своею горячею преданностію Церкви Христовой, запечатлѣнною исповѣдничествомъ во время послѣдняго языческаго гоненія, въ бытность его епископомъ Беріи, своею неустанною борьбою съ аріанствомъ, противъ котораго первый рѣшительно высказался на Никейскомъ соборѣ и первый писалъ сочиненія, отъ котораго послѣ Аѳанасія болѣе всѣхъ претерпѣлъ клеветы и гоненій (будучи сосланъ въ заточеніе, гдѣ и скончался), своимъ высокимъ образованіемъ и ученостію въ наукахъ духовныхъ и мірскихъ (особенно въ философіи), а всего болѣе своимъ искусствомъ проповѣди, которому, по свидѣтельству Созомена ⁴⁾, удив-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Созоменъ*, Ц. И. Ш, 13—14, IV, 24, 27. *Златоустъ*: похвальное слово Евстафію (см. по русск. изданію первый томъ словъ на разныя случаи, стр. 57—72). *Сократъ*. Ц. И. II, 43. Василія Вел. посл. 223. *Епифанія Кипр.* ереси, 75, гл. 1. *Теодоритъ*, Ц. И. Ш, 4, *Иеронимъ*, каталогъ, гл. 85. *Фотій*, сод. 225. Филарета. „Истор. ученіе объ отцахъ“, § 104. (Здѣсь уважаніе второстепенныхъ источниковъ).

Сочиненія его изданы у Галланда въ IV т. его *biograph. Patrum* и у *Minia patr. c. compl. ser. gr. t. XVIII*. Часть ихъ и у Фабриція въ *Biblioth. graeca t. IX*. Дополненія къ нимъ изданы Майемъ въ *Collect. veter. Patr. t. VII*.

²⁾ Теодоритъ. Ц. И. I, 7: ψυφω κοινῆ.

³⁾ Theophanus, *Chronogr. ed. Paris* pag. 16 ἡ σύνοδος Εὐστάθιον ἐκύρωσε.

⁴⁾ Созоменъ II, 19, (по русск. изд. стр. 123) пишетъ о Евстафіи: ἀνὴρ τότε ἄλλα καλὸς καὶ ἀγαθὸς, καὶ ἐπὶ εὐγλωττία δικαίως θαυμαζόμενος, ὡς ἐκ τῶν φερομένων αὐτοῦ λόγων συνιδεῖν ἐστίν. ἀρχαιότητι φράσεων καὶ

лялись всё его современники. Къ сожалѣнiю изъ несомнѣнно подлинныхъ сочиненiй Евстафiа сохранилось въ цѣломъ видѣ только два, изъ другихъ-же сочиненiй (къ числу которыхъ относится по словамъ Иеронима ¹⁾ „великое множество писемъ, которыя трудно было бы перечислить“), дошли до насъ лишь небольшiя извлеченiя въ сочиненiяхъ Θεодорита, Евлогiа и др. Изъ того, что сохранилось отъ Евстафiа, видно, что онъ по своему направленiю примыкаетъ къ Антиохiйской школѣ толкователей Св. Писанiя. Такъ, сочиненiе объ Аэндерской волшебницѣ написано специально „противъ Оригена“; въ немъ онъ неоднократно укоряетъ Оригена за аллегорическое толкованiе ²⁾; напр. о толкованiи Оригеномъ колодца въ Авраама Евстафiй говоритъ: „не изъясняетъ-ли онъ аллегорически колодцы Авраама и прочее, относящееся къ тому, въ длинной рѣчи, давая всему другой смыслъ, тогда какъ доселѣ ихъ можно видѣть въ той странѣ обыкновенными глазами?“ Что касается плодовъ его ораторства, то изъ нихъ сохранилась лишь въ полномъ составѣ его рѣчь императору на соборѣ Никейскомъ, и нѣсколько отрывковъ (въ 8—10 строкъ) слишкомъ краткихъ для того, чтобы по нимъ дѣлать какiя-бы то ни было соображенiя о немъ, какъ ораторѣ ³⁾. Можно, впрочемъ, замѣтить,

σωφροσύνη νοημάτων, καὶ ὀνομάτων κάλλει, καὶ χάριτι ἀπαγγελίας, εὐδοκίμωντων. Заслуживаетъ вниманiя также свидѣтельство о немъ Анастасiа Синаита (Anag. contempl. in haecum lib. IV): ὁ πολὺς ἐν Θεολογίᾳ Ἐυστάθιος ὁ θεῖος καὶ προσομιλητῆς, καὶ μαρτὺρ, καὶ κορυφαῖος τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου διδάσκαλος.

¹⁾ Каталогъ гл. 85 (по русск. перев. соч. Иеронима т. V, стр. 331).

²⁾ См. Migne, patr. c. c. s. gr. t. XVIII, col. 655—658 гл. XXI соч. о пророковъщательницѣ.

³⁾ Предположительно ему-же усваиваютъ нѣкоторые 10-ю изъ бесѣдъ Оригена на кн. Бытiя. Migne, p. c. c. s. g. t. XVIII, col. 612 in potitia. Изъ несомнѣнно ему принадлежащихъ сочиненiй сохранились отрывки: 1) изъ слова (λόγος, sermo) на слова Притч. VIII, 22: „Господь созда мя начало путей Своихъ“ (у Θεодорита, Ц. II, 1, 8; и въ диалогахъ его-же I и II). 2) Изъ слова на слова Притч. IX, 5: „идиге мой хлѣбъ и ийте вино, еже растворихъ вамъ“ (въ актахъ II Никейскаго собора). 3) Изъ толкованiй надписанiя псалмовъ XV и LVI (у Θεодорита въ диалогахъ I и III). 4) Изъ книгъ о душѣ (у Θεодорита и др.). 5) Изъ VIII книгъ противъ Арианъ. Всѣ эти отрывки собраны у Миня. P. c. c. s. gr. t. XVIII, col. 675 sq. Левъ Аляцiй издалъ въ 1620 году, подъ именемъ Евстафiа, объяс-

что, судя по всему, проповѣдь Евстафія отличалась стремленіемъ къ общепонятности, силою логики, ясностію и плавностію языка. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ рѣчи его императору: „Мы благодаримъ, великій государь, Бога, Который ввѣриалъ тебѣ земное царство (ἐπίγειον βασίλειον), Который чрезъ тебя ниспровергъ идолослуженіе и далъ спокойствіе духа и свободу вѣрующимъ. Престалъ смрадъ демоновъ, оставлены святыни эллинскаго многобожія, прогнанъ мракъ невѣдѣнія. Вселенная освѣтилась свѣтомъ боговѣдѣнія, прославляется Отецъ, превозносится Сынъ, проповѣдуются Св. Духъ. Проповѣдуются міру равносущная (ὁμοιούσιος Τριάς) Троица, одно Божество въ трехъ лицахъ и вѣпостасяхъ; ею укрѣпляется сила твоего, государь, благочестія, сохрани ее намъ ненарушенною (ἄσολον). Ни одинъ еретикъ да не проникнетъ въ Церковь, да не похититъ едино вѣчто отъ Троицы, оставя прочее не полночестнымъ (καταλυμάτων τὸ λιπομένον ἄτιμον). Аріій, который за бѣшенство (μανίας) получилъ свое имя, служитъ причиною настоящаго собранія и этой рѣчи,—онъ, который,—не знаемъ, какимъ образомъ,—безъ нашего вѣдома избранный въ санъ пресвитера Церкви Александрійской (ἐγκαταλεγείς), будучи враждебенъ (ἄλλότριος ὑπάρχων) ученію блаженныхъ пророковъ и апостоловъ. Ибо онъ не страшится лишать Единороднаго Сына и Слово Божіе единосущія (ὁμοουσιότητος) съ существомъ отчимъ и Творца твари причислять къ твореніямъ. Не соблаговолишь-ли, о самодержецъ, убѣдить его оставить свое заблужденіе и не противиться болѣе апостольскимъ ученіямъ; или, если онъ будетъ твердо держаться своего ложнаго мнѣнія и безбожія, отлучить его отъ Христа и нашего общенія, чтобы не губилъ простыя души своимъ нечистымъ и коварнымъ ученіемъ“.

неніе на шестодневъ (εἰς τὴν ἑξαήμερον ὑπόμνημα); но Минемъ вслѣдъ за другими это сочиненіе огносится къ spuria.

Св. Мелетій епископъ Антиохійскій ¹⁾.

Уроженецъ Митилены въ Арменіи, нѣкоторое время (около 357 г.) епископъ Севастіи изъ Беріи Сирской, гдѣ жилъ въ уединеніи, Мелетій былъ, по однимъ, аріанами, по другимъ, ими совмѣстно съ праславными, поставленъ на кафедрѣ Антиохійскую, остававшуюся праздною послѣ св. Евстаѳія. Когда онъ прибылъ въ этотъ городъ, все населеніе, даже евреи и язычники вышли ему на встрѣчу, но такъ какъ объясняя, по предложенію императора Констанція, слова книги притчей: „Господь созда мя“, выразилъ пониманіе вѣры противояріанское ²⁾, то чрезъ мѣсяць по избраніи былъ сосланъ въ заточеніе. При Юліанѣ онъ былъ возвращенъ, но потомъ снова сосланъ; возвращенный Говиніаномъ, былъ опять удаленъ Валентомъ. На вселенскомъ соборѣ 381 г. онъ былъ избранъ въ предсѣдатели, но во время самага собора скончался. Повидимому этотъ кротчайшій изъ людей (ὁ πάντων ἀνθρώπων κατότατος), по выраженію Θεодорита, старался держаться въ дали отъ догматическихъ споровъ и предлагать своей паствѣ чисто еван-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Θεοδωριτῆς*, Ц. II, 31, III, 4, IV, 13, V, 3, 7, 8, 31, Рус. пер. стр. 190—192, 199, 255—6, 307, 314. *Сократъ* Ц. II. (см. по указателю къ русск. переводу изд. 1850 г.). Созоменъ Ц. II. (См. по указателю въ к. русск. перевода 1851 г.). Иеронимъ въ Хроникѣ, XXXV (по русск. изд. сочин. Иеронима т. V, стр. 403). *Григорія Нисск.*, Похвальное слово Мелетію. *Златоуста*, слово въ похвалу св. Мелетію. Отзывъ Василія Вел. въ его письмахъ къ Аванасію и Петру Александрійскому (epist. 67 и 266) Рѣчь Мелетія у Елифанія haeres. 73, § 29, у Gallandi bibl. Patr. t. V.

²⁾ При этомъ произошло обстоятельство, на которое ссылаются раскольники въ своемъ ученіи о перстосложеніи. „Когда (послѣ проповѣди) раздавались восклицанія народа, говорить Θεодоритъ (II, 22), и его просили, чтобы онъ преподалъ наставленіе свое кратко, онъ, показавъ три перста, потомъ два согнувъ, а одинъ оставивъ, произнесъ: три представляемъ въ умѣ, но бесѣдуемъ какъ съ Единнымъ.—Τρεῖς ὑποδείξας δάκτυλους, εἶτα τοὺς δύο συναγαγὼν καὶ τὸν ἕνα καταλιπὼν... ἐκείνην ἀφήεν φωνὴν τρία τὰ νοούμενα, ὡν ἓν δε διαλεγόμεθα. Созоменъ (IV, 28) говоритъ: „сначала поучалъ народъ нравственнымъ мыслямъ, наконецъ ясно сказалъ, что Сынъ одной сущности съ Отцомъ. Говорятъ, что архидіаконъ, подбѣжавъ, рукою зажалъ ему уста... Но онъ рукою яснѣе, чѣмъ словами, обозначилъ мысль свою: сперва протянувъ три пальца, потомъ опять согнувъ и выпрямивъ одинъ, изображалъ положеніемъ руки то, чего не давали ему говорить“.

гельское учение сообразно съ нуждами всего христіанскаго общества по возможности примиряя и соглашая разномыслящихъ. Этимъ объясняется, что императоръ Θεодосій, принявшій отъ него коронованіе, любилъ Мелетія, какъ сынъ отца, по выраженію Θεодорита (V, 7) и встрѣчая его на соборѣ, долго „наслаждался сначала его лицезрѣніемъ, потомъ обнялъ его и цѣловалъ его очи, уста, грудь, голову и короновавшую его правую руку“. Избраніе его въ предсѣдателя 2-го вселенскаго собора и порученіе ему соборомъ Антіохійскимъ сдѣлать письменное изложеніе православнаго ученія для императора, вообще то уваженіе, какое оказывала ему вся Церковь, устами Григорія Нисскаго и Златоуста произнесшая ему панегирики, доказываютъ, что Мелетій считался между современниками и наиболѣе компетентнымъ въ богословіи, и наиболѣе искуснымъ въ словесномъ изложеніи богословскихъ мыслей. Бурныя обстоятельства его времени и троекратное его заточеніе не дали ему возможности, по всей вѣроятности, сдѣлать изъ своихъ учительныхъ способностей всего того примѣненія для назиданія паствы посредствомъ проповѣди, какое онъ бы могъ сдѣлать, и единственными памятниками учительской дѣятельности Мелетія (служать: упомянутая рѣчь его, сказанная по прибытіи въ Антіохію, въ присутствіи Констанція, сохраненная у Елифанія въ книгѣ противъ ересей (LXXIII, 29),—и исповѣданіе вѣры, составленное имъ по порученію собора для императора Ювиніана, сохранившееся у Θεодорита ¹⁾ и Сократа ²⁾). Въ первомъ, имѣющемъ нѣкоторый видъ правильнаго построенія (приступъ, начинающійся словами: „конецъ цѣли лучше, чѣмъ начало“, и затѣмъ представляющій обильный и вполне цѣлесообразный выборъ текстовъ и всю нужную доказательность), онъ объясняетъ, что искреннее общеніе со Христомъ, Сыномъ Божіимъ есть основаніе всей христіанской жизни; кто позналъ Сына, тотъ пребываетъ и въ Отцѣ. Сынъ Божій есть Богъ отъ Бога (ἐκ Θεοῦ), единый отъ единаго, единородный отъ нерожденнаго, особенное рожденіе родившаго, Сынъ, достой-

¹⁾ Церк. Ист. VI, 4, по русск. изд. стр. 383.

²⁾ Ц. Ист. III, 25, по русск. изд. стр. 313.

ный безначальнаго, исповѣдимый толкователь исповѣдимаго... Мы будемъ въ общеніи съ Сыномъ и съ Отцемъ, если не будемъ стыдиться своего исповѣданія, не только предъ Богомъ и избранными ангелами, но и предъ царемъ. Наконецъ онъ убѣждаетъ не предаваться неумѣстному изслѣдованію того, чего нельзя постичь и словами апостола говорить, что неизвѣстное намъ здѣсь откроется въ жизни будущей. Краткое изложеніе вѣры отъ лица собора Антиохійскаго одобрялъ св. Аѳанасій (въ посл. о соборахъ), хотя въ немъ встрѣчаются полуаріанскія выраженія, что по существу Сынъ подобенъ Отцу (ὅμοιος), т. е. подобосущенъ (ὁμοούσιος).

И. Барсовъ

(Окончаніе будетъ).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОГМАТИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПРОПОВѢДИ

ВЪ IV ВѢКѢ НА ВОСТОКѢ! *).

Титъ епископъ Бострійскій ¹⁾).

Съ именемъ Тита сохранилась одна проповѣдь въ недѣлю Ваий *Εἰς τὰ βαία*. Тотъ-ли это Титъ, который былъ епископомъ Бостры, главнаго города гористой Аравіи, былъ преслѣдуемъ въ числѣ другихъ православныхъ епископовъ Юліаномъ, въ 363 г. подписалъ символъ собора Антіохійскаго, бывшаго подъ предѣдательствомъ Мелетія ²⁾, котораго Іеронимъ относитъ къ числу тѣхъ христіанскихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ не знаешь, чему болѣе дивиться: мірской-ли учености или знанію Св. Писанія, а Θεодоритъ называетъ славнѣйшимъ *ἐπιστημώτατον* ³⁾, который по Іерониму скончался ранѣе 378 года, — трудно сказать съ рѣшительностію. Комбефизъ, въ первый разъ издавшій эту проповѣдь ⁴⁾ съ именемъ этого Тита, автора обширнаго многочаенаго сочиненія противъ Манихеевъ, находитъ не невозможнымъ, что она принадлежитъ другому Титу, Бострійскому-же епископу, жившему позже, которому приписыва-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 7.

¹⁾ Migne, patr. c. c. s. gr. t. XVIII, col. 1065—1278.

²⁾ Сократъ, III, 25 по р. изд. 315.

³⁾ Ц. И. III. 14.

⁴⁾ Auctuar. nov. Paris, 1648, t. I, pag. 635—651.

ются комментаріи на Евангеліе отъ Луки (писанные, по мнѣнію Селье, въ VII или VIII вв., въ которыхъ Діонисій Ареопагитъ называется святымъ, тогда какъ даже въ IV вѣкѣ названіе святыхъ усвоялось лишь мученикамъ), хотя по древнимъ памятникамъ съ именемъ Тита извѣстенъ лишь одинъ епископъ Бострійскій. Преосвященный Филаретъ считаетъ также одного епископа Бострійскаго съ именемъ Тита, приписывая ему какъ книги противъ Манихеевъ, такъ и толкованія на Евангеліе отъ Луки, но не упоминая о принадлежности ему слова въ недѣлю Ваий ¹⁾. Съ своей стороны мы вопреки Селье, который находитъ невозможнымъ приписать эту проповѣдь Титу Бострійскому IV-го вѣка, по несходству слога ея съ слогомъ сочиненій Тита, нисколько не сомнѣваемся въ принадлежности этого слова Титу Бострійскому, автору трехъ книгъ противъ Манихеевъ. По своимъ внутреннимъ качествамъ оно не недостойно автора названнаго многочленаго и остроумнаго сочиненія, а то, на что указываютъ, какъ на ея недостатокъ, именно не въ мѣру изысканная аллегорія, составляетъ общую черту проповѣдниковъ школы Оригена, который, какъ извѣстно, былъ въ Бострѣ и не могъ не оставить слѣдовъ своего вліянія тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существовала проповѣдь. Начало проповѣди, гдѣ духовныя блага, даруемая людямъ І Христомъ сравниваются съ благотворнымъ дѣйствіемъ на природу водъ, обильно износимыхъ нѣдрами земли чрезъ горныя источники и рѣки, орошающія и оплодотворяющія почву и дающія людямъ хлѣбъ на пищу (*ἄρτον εἰς βρώσιν*), и вино на веселіе (*οἶνον εἰς εὐφροσύνην*), напоминая подобное-же начало проповѣди Ипполита на Богоявленіе, содержитъ въ себѣ, намъ кажется, мѣстную географическую черту проповѣди, сказанной въ гористой Аравіи, и указывающую въ авторѣ ея епископа Бострійскаго.

Паниль ²⁾ считаетъ достоинства проповѣди Тита малозначительными, но намъ кажется болѣе правильнымъ сужденіе о ней Комбефиза ³⁾, который находитъ въ ней достаточно эрудиціи,

¹⁾ Истор. ученіе § 97.

²⁾ Ibid. § 97.

³⁾ Онъ говоритъ: *Cujuscunque vero sit, opus est eruditum, egregiis refertum*

много прекрасныхъ отдѣльныхъ мыслей правоучительныхъ, въ догматическомъ отношеніи вполнѣ безупречныхъ и прекрасное знаніе Св. Писанія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что проповѣдникъ ведетъ всю рѣчь съ возвышеннымъ ораторски-лирическимъ одушевленіемъ, что выражается, между прочимъ, въ фигурахъ вопрошенія и олицетворенія (§ III). Слово о ваіяхъ въ своемъ построеніи имѣетъ гомилиѣную основу, представляя толкованіе нѣсколькихъ изрѣченій изъ читаемаго въ недѣлю Ваіѣ Евангелія отъ Іоанна и параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ евангелистовъ, а также относящагося къ событію пророчества Захаріи. Послѣ вступленія, въ которомъ кромѣ сравненія благъ, даруемыхъ людямъ Іисусомъ Христомъ, съ благодѣяніями власти въ жизни физической, заслуживаетъ вниманія указаніе, какъ на одно изъ этихъ духовныхъ благъ, даруемыхъ Церкви, на обиліе духовныхъ торжествъ (Іисусъ Христосъ, по выраженію проповѣдника, *πηγάξει ἡμῖν τὰς ἀγίας ἑορτὰς*), украшаемыхъ въ изобиліи ученіями и наставленіями богомудрыхъ мужей, просвѣщающихъ духовную разумную почву человѣчества и веселящихъ своими ученіями Церковь Божию ¹⁾,—пропо-

sensis, ac dogmatis accuratum, ut quisque theologus ipsa statim lectione videbit. Locos scripturae scite admodum exponit ac applicat, ut nihil desiderari videatur. Paniel. § 121.

1) Къ числу этихъ благъ относится и слово наученія, предлагаемое въ Церкви богоносными мужами: *οὕτως καὶ ἡ ἀφάτος φιλανθρωπία τοῦ κυρίου ἡμῶν ἐκ τῆς ἀμετρήτου ἀβύσσου τῆς ἀγαθότητος καὶ φιλανθρωπίας αὐτοῦ πηγάζει ἡμῖν τὰς ἀγίας ἑορτὰς, ἐν αἷς τὴν σωτηρίαν ἡμῶν εἰργάσατο καὶ αὐτός μὲν ἑορτὰς πηγάζει ἡ δε χάρις τοῦ ἀγίου πνεύματος ἡ ἐνεργούσα ἐν ταῖς ἑορταῖς τὰ ὀρμήματα τοῦ ποταμοῦ πληροῖ; λέγω δὴ τοὺς θεοδόρους ἀνδράς, τοὺς διδασκαλίαν ἐν τῇ διδασκαλίᾳ κεκτήμενους. Καὶ αὐτοὶ ἐπισκέπτοντας τὴν νοστήν καὶ λογικὴν γῆν τῆς ἀνθρωπότητος, εὐφραίνοντες τὴν ἀγίαν ἐκκλησίαν, ἡ τις ἐστὶ πόλις τοῦ μεγάλου βασιλέως Ι. Χριστοῦ, κατὰ τὸ γεγραμμένον. Τοῦ ποταμοῦ τὰ ὀρμήματα εὐφραίνουσι τὴν πόλιν τοῦ Θεοῦ. Ἡ δε ἐκκλησία, εὐφραينوμένη καὶ ἡδυνομένη ἀπὸ πίότητος καρδίας, ἀνειτὶ καὶ δοξολογεῖ Κύριον τὸν ἐν αὐτῇ βασιλεύοντα. Φέρε δὴ καὶ σήμερον εἰπεῖν, ὃ προανεφώνησεν αὐτὸς περὶ ἑαυτοῦ διὰ τῶν ἀγίων αὐτοῦ προφητῶν, ἐρευνήσωμεν πρὸς τὴν δύναμιν ἡμῶν τὴν σωτηρίαν, ἣν*

вѣдникъ останавливаетъ вниманіе на воскресеніи Лазаря (§ II), какъ на событіи, которое особенно способно побудить вѣрныхъ прославлять Господа, какъ призывъ къ воскресенію всей природы, всего человѣчества. „Въ лицѣ Лазаря Господь воскресилъ четвертаго мертвеца; воскресилъ его четверодневнога, когда тѣло его разлагалось уже на четыре составные элемента (τὸν ὑπὸ τεσσαρῶν στοιχείων συσπασθέντα) для того, чтобы было вѣдомо началамъ и властямъ поднебеснымъ и надземнымъ, что и все человѣчество отъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта (πάσαν τὴν ἐκ τεσσαρῶν συσταθύσαν ἀνθρωπότητα) пробуждаетъ (ἐγερεῖ) отъ грѣха, отъ нечестія идольскаго служенія, да возникнутъ отъ дьявольскія сѣти, живи уловени отъ него въ свою волю (II Тим. II, 26). Переходъ къ разсужденію о входѣ Господнемъ въ Иерусалимъ составляетъ объясненіе словъ Захаріи: радуйся дщи Сіоня, и торжествуй дщи Иерусалимля (Зах. IX, 9). Предрекшіе будущее св. пророки суть сожители разумныхъ существъ; подобно тому, какъ чрезъ извѣстные промежутки времени мы насыщаемъ свое тѣло, они чрезъ извѣстные періоды годичнаго времени предлагаютъ намъ свою духовную трапезу, напоая души вѣрныхъ божественнымъ ученіемъ по рѣченному: *упіются отъ дома твоего и потокомъ сладости твоея напоиши* я (Пс. XXXV, 9). Придите-же, послушаемъ, что говоритъ славный пророкъ Захарія, насладимся словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, слѣдуя сказанному: не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ (Матѳ. IV, 4). Человѣку ненавистна скорбь и достолюбезна радость: потому про-

ὁ βασιλεὺς ἡμῶν ἐπραγματεύσατο ἡμῖν ἐν ταύτῃ τῇ ἑορτῇ φέρε κατανοήσωμεν ἐνεκεν τινος βασιλέα αὐτὸν ὑμνήσαν σου μόνον οἱ ἄνθρωποι, ἀλλὰ καὶ αἱ ἀγγελικαὶ δυνάμεις. Все это мѣсто, начиная отъ сужденій о значеніи воды, чрезвычайно близко по мыслямъ къ Меодію Тирскому. Сравни его съ началомъ слова о Симеонѣ и Аннѣ по изданію Е. И. Ловягина. 1877, стр. 116, § 1 начало и конецъ, стр. 118 § 2, стр. 119, начало § 3. Слово въ нед. Валій тамъ-же, стр. 137, § 1, „чительницу празднисть Церковь Божию“—φωλεορτον τοῦ Θεοῦ ἐκκλησία. Сравни Migne, XVIII, 383. Ниже о томъ же ученіи проповѣдникъ выражается: *κτίσματα γὰρ εἰσι, καὶ τὸ κτίσμα οὐκ ἔστιν, ὃ μὴ χρεῖαν ἔχει μαθεῖν*. Много твореній въ Божіемъ мірѣ, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое не имѣло-бы нужды въ изученіи.

рокъ начинаетъ свою рѣчь призывомъ плѣненныхъ къ радости и восклицаетъ: радуйся зѣло дщи Сіоня. О высота богатства, премудрости и разума Божія! сказалъ *радуйся* и кромѣ того прибавилъ: *зѣло*. Для чего не просто радуйся, но и радуйся *зѣло*? Поелику грядетъ тотъ, кто спасетъ тебя по сказанному: *внигда возвратити Господеви плѣнъ Сіона, бѣхомъ яко утѣшени, тогда исполнишася радости уста наша, и языкъ нашъ веселія* (Пс. 125, 1—2), радуйся, говорить, какъ возвращенная изъ плѣна демоновъ, освобожденная отъ власти вѣка сего (ἐξ τῆς ἐξουσίας τῆς αἰώνος τούτου) для онаго небеснаго Іерусалима, котораго ожидалъ праотець Авраамъ, о чемъ говорилъ блаженный Павелъ: „*приступите къ Сіонской горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному* (Евр. XII, 22); *идѣ же нѣсть ни бользнь, ни печаль, ни въздыханіе* (Ис. LI, 11), гдѣ всѣ праведные упокоются (Псал. LXXXVI, 7), итакъ радуйся и веселися дщерь Сіона!“ „Но какаѣ-же причина (διὰ τι), о пророкъ, моей радости?—Радуйся потому, что уже не будешь больше подвергнута плѣненію; радуйся зѣло, ибо освободитель твой не простой царь, но царь вѣчный, котораго царство во вѣки, какъ изрекъ Гавріилъ его матери—дѣвѣ Маріи: *царствію его не будетъ конца*; и какъ его царство будетъ вѣчно, такъ и спасеніе твое—вѣчно. Посему радуйся и веселися. *И проповѣдуй дщи Іерусалимля*“. „Что я буду проповѣдовать, пророче Божій? Провозгласи царю твоему, который грядетъ съ высоты небесъ, чтобы спасти тебя,—благодареніе, славословіе, пѣсноуѣніе. Воскликни: *осанна въ вышнихъ*, откуда грядетъ твой Спаситель, *благословенъ грядый во имя Господне!* Смотри, какъ евангелистъ благовѣствуетъ двоякаго Христа (διπλὴν τὸν Χριστόν); сперва говоритъ: слава въ вышнихъ, указуя на высочайшую природу Божества; потомъ-же говоря: „*благословенъ грядый во имя Господне*“—обозначаетъ человѣческое естество (ἀνθρωπότητος οὐσίας) въ немъ,—то благословенное сѣмя, которое благословенный Авраамъ принялъ себѣ въ благословеніе: *благословятся о сѣмени твоємъ всѣ народы земные. Благословенно грядущее царство, во имя Господа, Отца нашего Давида*“. Далѣе (5 IV) проповѣдникъ, возвращаясь къ

приведеннымъ словамъ Захаріи, останавливается на вопросѣ: почему онъ не сказалъ: радуйся *Сіонъ*, проповѣдуй *Іерусалимъ*, а радуйся *дщи Сіона*, проповѣждь *дщи Іерусалимля*?

„Какъ травы, птицы, четвероногія, а равно и люди, смотря по различію внѣшняго вида и силы, одни получаютъ такія названія, другіе—иныя, такъ и божественныя рѣченія имѣютъ и собственный смыслъ (*ἰδίον δόγματιν*) и смыслъ духовный, умо-зрительный (*τὴν θεωρίαν*). Отсюда можно понять, почему пророкъ говоритъ сначала о дщери *Сіона* и потомъ о дщери *Іерусалима*. Слово *Сіонъ* значитъ жаждущій (*διψῶσα*, *sitiens*). Слѣдовательно, подъ *Сіономъ* нужно разумѣть собраніе праведныхъ и пророковъ, бывшихъ отъ начала міра до пришествія Христова, которые жаждали сдѣлаться причастниками божественнаго естества (II Петр. 1, 4). Эти-то ищущіе и жаждущіе Христа, говорю, и названы *Сіономъ*, о чемъ говорилъ и Давидъ: *возжела душа моя къ Богу*, крѣпкому и живому (Псал. XLII). А когда они удостоятся лицезрѣнія Божія.—это будетъ уже другое изданіе (*λέγει ἕτερα ἕκδοσις*),—видящіе Бога становятся *Іерусалимомъ* (небеснымъ). Этою *Сіона* дщерію пророкъ называетъ вѣрующихъ въ Господа, которые вѣрою жаждутъ изслѣдовать евангельскія заповѣди, хотятъ найти въ нихъ сокрытаго Бога, какъ сказано: *сей родъ ищущихъ Господа, ищущихъ лице Бога Іаковля* (Пс. LXXII, 1). А когда они обрѣтутъ Бога и будутъ въ блаженной жизни лицезрѣть Бога, становятся чадами *Іерусалима*, о чемъ говоритъ пророкъ: *его же стяжалъ еси исперва*“ (Пс. LXXIII). Обстоятельства входа Господня въ *Іерусалимъ* проповѣдникъ объясняетъ всѣ въ смыслѣ ино-сказательномъ. Намѣреваясь дать себя въ снѣдь вѣрнымъ (*ἵνα γὰρ φάγουσιν αὐτὸν οἱ πιστοὶ*), Господь восходитъ на высоту горы Елеонской, которая есть Церковь вѣрныхъ изъ народа (*ὁ ἐστὶν ἐκ τοῦ λαοῦ πιστῆ ἐκκλησία*). Отсюда Господь посылаетъ двухъ учениковъ уготовать пасху: эти два ученика обозначаютъ два хора (*δύο χοροὶ*)—пророковъ и апостоловъ. Ибо апостолы, когда проповѣдывали язычникамъ, имѣли для себя боговдохновенныя рѣчи пророковъ, свидѣтельствовавшія о Христѣ, какъ этому учитъ Іезекіиль, великій пророкъ: *яко же коло въ*

колеси, летящій и бѣгущій (I, 17) *Идите въ весь, яже прямо вама*, сказалъ имъ Исусъ: это онъ посылаетъ апостоловъ во всю вселенную къ язычникамъ.

„Жребя, на которое долженъ былъ возсѣсть I. Христось, означаетъ увѣровавшихъ въ Него язычниковъ же, ибо о евреяхъ сказано: *не прииму отъ дому твоего телъцовъ, ниже отъ стада твоихъ козловъ* (Ис. 49, 9). *И отвязавъ его, приведите ко мнѣ*: это значитъ, что язычники, не имѣвъ ни закона, ни пророковъ, были связаны нечестіемъ идолопоклонства, отъ котораго освобождены проповѣдью Евангелія. Когда апостолы, отвязавъ жребя, привели его къ I. Христу, это значило, что они привели въ Церковь, къ Богу и Творцу, сидѣвшихъ до толѣ въ тьмѣ и сѣни смертной язычниковъ. И постилали одежды свои на пути. Здѣсь разумѣются добродѣтели, которыми люди угождаютъ Богу. Народъ вышелъ на встрѣчу I. Христу съ масличными и пальмовыми вѣтвями: масличная вѣтвь означаетъ дѣянія внѣшняго человѣка; пальмовая вѣтвь—духовную и чистую дѣятельность внутренняго человѣка“. Въ этомъ направленіи объясняетъ всѣ остальные обстоятельства, входа Господня въ Иерусалимъ. Нельзя не замѣтить, что въ такомъ толкованіи видѣнъ ревностный послѣдователь метода Оригена. Въ заключеніе проповѣдникъ приглашаетъ слушателей послѣдовать за I. Христомъ во святой градъ и войти въ его храмъ, чтобы испровергнуть столы мѣняль и изгнать демоновъ, продающихъ голубей (*δαίμονας, τοὺς πωλοῦντας τὰς περὶστερας*), т. е. мысли, летающія въ заблужденіи (*τοὺς ἐν πλάνῃ πετομένους λογισμοὺς*) и изъ вертепа духовныхъ разбойниковъ возсоздать въ себѣ тотъ древній храмъ, въ которомъ Господь привиталъ, возвращая слѣпымъ зрѣніе, хромымъ хожденіе, глухимъ слухъ, мертвымъ, какъ Лазарю,—жизнь. Ибо гдѣ обитаетъ жизнь, тамъ и воскресеніе,—чтобы съ Лазаремъ и съ апостолами, съ младенцами и ангелами восклицать: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне! Христось Господь и Богъ нашъ и царь вѣковъ: Ему-же слава, честь, держава и поклоненіе, со Отцемъ и Св. Духомъ—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь!*

Маркъ Діадохъ. 1)

Относительно его личности разногласятъ. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ епископовъ, которые изгнаны съ своихъ кафедръ арабами при Констанціи, но возвращены Юліаномъ и вынуждены были присутствовать на соборѣ 362 г. Съ именемъ Марка Діадоха сохранилось слово противъ аріанъ (*κατὰ Ἀρειανῶν λόγος*). Хотя оно имѣетъ характеръ теоретическо-догматическаго разсужденія, но изъ его начала и окончанія видно, что это—слово, произнесенное въ храмѣ изустно. Исходнымъ пунктомъ рѣчи въ немъ служатъ слова Іоан. I, 1, какъ вообще въ это время *слова* (*λόγος, sermones*) имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ то или иное рѣченіе изъ прочитаннаго на литургіи мѣста изъ Св. Писанія. Оканчивается оно славословіемъ и словомъ „аминь“, — что обыкновенно свойственно проповѣдямъ. Другихъ признаковъ проповѣди—обращенія къ слушателямъ, увѣщанія — въ этомъ словѣ нѣтъ и слѣда. Все содержаніе слова имѣетъ характеръ племическаго разсужденія, въ которомъ авторъ защищаетъ православный догматъ о Божествѣ втораго лица Св. Троицы съ полнымъ умѣніемъ и доказательно, но безъ обычныхъ свойствъ ораторства и художественности въ изложеніи. Лишь окончаніе слова отличается нѣкоторымъ одушевленіемъ и ораторскимъ лиризмомъ. „Напрасно, говоритъ проповѣдникъ, безбожники лишаютъ нашего всеблагаго Господа Иисуса Христа (*ὁ ἀγαθός ἡμῶν Ἰ. Χριστός*) Его силы. Онъ владыка всего небеснаго могущества, Онъ превѣчный царь. Онъ сіяніе владычества. Онъ истинный памятникъ существа Божія. Онъ всегдашній участникъ мысли Отца. Онъ благій пастырь всѣхъ своихъ разумныхъ овецъ, разумный управитель всѣхъ разумныхъ существъ, великаго совѣта Ангель... Онъ содѣлалъ природу человѣка подобной прекрасному панцирю, чтобы виновнику вражды нанести любовью поражение. Онъ всегда хочетъ того-же, чего желаетъ Отець...

1) Свѣдѣнія о немъ: Аванасій Александр. апологія о своемъ бѣгствѣ § VII. Wetrienius proleg. ad Nov. Testam. cap. VII. Фабриція biblioth. graec. 1, 5, с. 24. Vol. 8, p. 349. Cave hist. litter. t. I, p. 217. Gallandi bibl. I. V, proleg. cap. XIV.

Его мысли отнюдь не бываютъ ограниченнѣе мыслей Отца... Какъ Отецъ, говоритъ онъ, воскрешаетъ мертвыхъ, такъ и Сынъ его-же хочетъ, живить (Іоан. V, 21). Св. Духъ самъ въ себѣ совершенъ и всемогущъ. Онъ раздатель всякаго познанія и всякой жизни, ибо Онъ въ величїи Отца и Сына..., ибо Онъ исходитъ изъ господства Отца и Сына и вмѣстѣ со Отцемъ и Сыномъ достоинъ почтенія нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь“. ¹⁾

Іаковъ Низибійскій. ²⁾

Сынъ одного изъ областныхъ князей Арменїи, племянникъ Пароянскаго царя, отца св. Григорїя, просвѣтителя Арменїи, Іаковъ получилъ то хорошее образованіе, къ которому давало ему средства его высокое происхожденіе. Строгій аскетъ по жизни отъ юности, исповѣдникъ, онъ сподобился дара чудотвореній; въ 314 году избранъ былъ въ епископа Низибіи, иначе Антіохїи Магдонійской (на границахъ Персіи и имперїи), присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, скончался въ 350 году.

Сочиненія его, извѣстныя еще въ древности, по упоминанію о нихъ Аѳанасїя Александрійскаго, называющаго ихъ исполненными духа мужей апостольскихъ ³⁾, и Геннадїя, который

¹⁾ Слово издано въ первый разъ Іоанномъ Рудольфомъ Вертрениусомъ, потомъ перепечатано у Gallandi t. V, pag. 242 и у Миня...

²⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Θεοδωριτῆς* Ц. И. I, 7, II, 31. Philothea (исторїя Боголюбцевъ) гл. I. *Геннадій de viris illust.* c. 1. Cave t. I, p. 189. Antonelli—въ изданїи соч. Іакова (dissertatio), *Галланди*—bibl. Patrum t. V, prolegomena cap. 1. *Филарета* Черн. ученіе объ отцахъ Церкви § 102 (здѣсь же указаніе другихъ первонач. источниковъ). „Христ. Чтеніе“ 1827 г. (жизнь св. Іакова).

Изданя его сочиненій: S. Iacobi sermones, cum. not. dissertationibus armenice et latine nunc primum (cura N. Antonelli) editae, Romae 1756; армянскій текстъ изданъ въ Константинополѣ; Oudin (comm. I, 22) перечисляетъ по каталогамъ арабскія и сирскія сочиненія его. Затѣмъ всѣ они изданы на армянскомъ языкѣ и въ лат. переводѣ у *Галланди*, потомъ въ лат. пер. у *Миня*. Въ русскомъ переводѣ изданы въ „Христ. Чтенїи“ шесть сочиненій: о смиренїи (1827, XXVI), о воскресенїи мертвыхъ (1837, III), о Пасхѣ (1839, II), о вѣрѣ (1839, IV), о молитвѣ (1842, I), о постѣ (1843, IV).

³⁾ Посланіе къ епископамъ Египта и Ливїи, § 8.

въ своемъ каталогѣ перечисляетъ ихъ заглавія и говоритъ о переводѣ ихъ съ сирскаго языка, — до 1756 г. считались затерянными. Въ 1756 г. Антонелли издалъ ихъ, при чемъ въ своемъ предисловіи (prolegomena) различаетъ, на основаніи Геннадія, двухъ Іакововъ, *великаго* и *мудраго* (по Филарету Черниговскому это одно и тоже лице), приписывая издаваемыя сочиненія первому изъ нихъ и доказывая, что они написаны первоначально на языкѣ армянскомъ, а не сирскомъ, какъ говоритъ Геннадій. Какъ Антонелли, такъ и послѣдующіе издатели, слѣдуя Геннадію, называютъ сочиненія Іакова словами, *sermōnes*, насчитывая ихъ до 18-ти (Геннадій упоминаетъ о 26-ти сочиненіяхъ Іакова). Вслѣдъ за ними и въ русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ „Христ. Чтеніи“ о смиреніи, о воскресеніи мертвыхъ, о пасхѣ, о вѣрѣ) они названы *словами*. Но при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ сочиненіями Іакова легко убѣдиться, что они отнюдь не проповѣди, произнесенныя съ церковной кафедры, а разсужденія, изложенныя въ формѣ, столь употребительной въ современномъ ему учительствѣ христіанскомъ — посланій или писемъ, почему еще Геннадій ¹⁾ болѣе основательно назвалъ ихъ не *sermōnes*, но *libri*. Въ сочиненіи „о пасхѣ“ авторъ прямо говоритъ: „сіе я написалъ тебѣ, чтобы ты имѣлъ всегда въ готовности что отвѣчать іудеямъ“. Происхожденіемъ своимъ всѣ эти сочиненія обязаны просьбамъ родственника Іакова, просвѣтителя Арменіи, Григорія, письмо котораго къ Іакову, содержащее въ себѣ просьбу разрѣшить нѣкоторыя недоумѣнія и дать нужные

1) Геннадій именно говоритъ: *comprehendit autem (Iacobus) omne opus suum in viginti sex libris*, и далѣе перечисляетъ эти книги. Название *liber* или, чаще, *libellus*, въ западной христіанской литературѣ усвоилось иногда и проповѣдямъ, какъ это мы увидимъ ниже, но уже въ передѣлкѣ литературной, что дѣлалось тогда, когда имѣлось въ виду дать проповѣди извѣстность большую, чѣмъ между непосредственными слушателями; название *liber*, *libellus*, усвоилось имъ для того, чтобы поставить ихъ въ рядъ произведеній *литературы*, въ которой этимъ именемъ не только въ античныя времена, но и во времена христіанства между писателями внѣцерковными, одни эти послѣдніе долго считались представителями *литературы*. Название *λόγος*, усвояемое сочиненіямъ Іакова въ греческихъ переводахъ, вмѣстѣ значеніе не гомилетическаго термина, которымъ въ IV вѣкѣ обозначались проповѣди, напримѣръ Григорія Богослова, а тотъ смыслъ, какой былъ ему усвоенъ въ сочиненіяхъ апологетическихъ — въ смыслѣ разсужденія.

совѣты (quaestiones aliquas, de quibus te consulere mihi necesse fuit), предпосылается во всѣхъ изданіяхъ. Первое „sermo“ Іакова о вѣрѣ (de fide) и начинается отвѣтомъ на эту просьбу: „Письмо, тобою посланное, получивъ“, и т. д. Во всѣхъ сочиненіяхъ рѣчь обращена къ „возлюбленному“, каковымъ именованъ онъ называетъ Григорія въ сочиненіи о вѣрѣ, какъ видно изъ предыдущаго, несомнѣнно писаннаго къ просвѣтителю Арменіи ¹⁾. Затѣмъ въ нихъ ни въ построеніи, ни въ складѣ рѣчи нѣтъ никакихъ чертъ проповѣдническаго ихъ происхожденія. Поэтому мы не входимъ въ ихъ подробное разсмотрѣніе, а ограничимся перечнемъ заглавій этихъ весьма содержательныхъ, высоко-назидательныхъ и искусно написанныхъ сочиненій (отчасти догматическихъ и догматико-полемическихъ, отчасти нравоучительныхъ): о смиреніи, о молитвѣ, о воскресеніи мертвыхъ, о постѣ, о пасхѣ, о вѣрѣ, о любви, о духовной брани, о благочестіи, о покаяніи, о должностяхъ учителя (прекрасное наставленіе священнослужителю), объ обрѣзаніи, о субботахъ, о выборѣ пици, противъ ожиданія іудеями Мессіи, о увѣщаніи язычникамъ, о томъ, что „Христосъ есть Сынъ Божій“.

Св. Кириллъ Іерусалимскій ²⁾).

Св. Кириллъ родился, вѣроятно, въ 315 г. въ Палестинѣ отъ христіанскихъ родителей, образованіе получилъ въ Іерусалимѣ, можетъ быть, при пособіи имѣвшейся у нихъ библи-

1) Сличь напр. Христ. Чт. 1839, IV, стр. 205, и Хр. Чт. 1842, I, стр. 392—393. Въ соч. о пасхѣ авторъ прямо говоритъ: „сіе я написалъ тебѣ, чтобы ты имѣлъ всегда въ готовности, что отвѣчать іудеямъ“ (Хр. Чт. 1839, II, стр. 40).

2) О немъ: *Епифаній* haeres. LXVI, 20, LXXIII, 23, 27, 37. *Руфинъ* hist. eccl. lib. I, c. 23, 27. *Іеронимъ* въ хроникѣ подъ 352 год. (русск. издан. т. V, стран 399), въ каталогъ стр. 112 (русск. издан, стран 338) *Филосторій* Hist. eccl. IV, 12. *Сократъ*, II, 38, 40, 42, 45; III, 20; IV, 1; V, 8. *Созоменъ* V, 5; IV, 17, 20, 22, 25, 30; VII, 7, 14. *Θεοδωριτς* II, 26, 27; III, 14; V, 8. *Bellarmin de script. eccles. t. II, p. 134. Tillemont memoires, t. VIII. p. 428. Cave hist. iitter. t. II, p. 211. Oudin de script. eccles. t. I, p. 456. Touttée въ изд. соч. Кирилла dissert. III, de vita et rebus gestis, de scriptis et de doctrina Cyrilli, p. 1—CCXLI. Fabricius bibl. graeca VIII, p. 437 sq. Ceiller hist. gener. t. VI, p. 477. 2-е изданіе (1860 г.) того-же автора t. V. Plitt de Cyrilli Hierosolim. orationibus quae exstant, Heidelberg 1855. Св. Ки-*

отеки, устроенной епископомъ Александромъ. Ведя образъ жизни аскетическій, онъ въ 334 или 335 г. былъ архіепископомъ Іерусалимскимъ Макаріемъ посвященъ въ діакона, а въ 345 г. преемникомъ его Максимомъ — въ пресвитера, причемъ на него специально возложены были обязанности катехета іерусалимской церкви и проповѣдника. Въ 350—351 г. партіей аріанскаго епископа Кесаріи Палестинской Акакія онъ былъ избранъ въ епископа Іерусалимскаго. Отстаивая древнія права кафедръ архіепископа Іерусалимскаго, подтвержденныя соборомъ Никейскимъ (прав. 7), Кириллъ долженъ былъ войти въ столкновение съ Акакіемъ Кесарійскимъ, который, будучи митрополитомъ Палестины, какъ аріанинъ, не признавалъ правъ Іерусалимскаго епископа, дарованныхъ ему соборомъ Никейскимъ. Борьба окончилась неблагопріятно для Кирилла: соборомъ въ Кесаріи 356 г. онъ, за продажу церковныхъ вещей въ пользу бѣдныхъ во время голода, былъ низложенъ и долженъ былъ удалиться въ Тарсъ къ епископу Силуану, полуаріанину, по порученію котораго занялся здѣсь проповѣданіемъ слова Божія и пользовался такою любовію епископа и всего общества, что самыя настоятельныя требованія Акакія не могли заставить Силуана удалить Кирилла изъ Тарса. Полуаріанскій соборъ Селевкійскій 359 г. возвратилъ Кирилла на Іерусалимскую кафедру, но въ 360 г. онъ былъ низложенъ вторично аріанскимъ соборомъ въ Константинополѣ. При Юліанѣ, вмѣстѣ съ другими сосланными прежде христіанскими епископами, онъ былъ возвращенъ на свою кафедру, но при Валентѣ въ 367 г. снова удаленъ и, наконецъ, еще разъ былъ

риллъ Іерусалимскій, архим. Порфирія въ прибавл. къ Твор. св. отцевъ, ч. XIV 1855, стр. 89 sq. Жизнь св. Кирилла Іерус. Христ. Чт. 1840 I.

Изданія его сочиненій: 1) S. Patri nostri Cyrilli archiep. Hierosolimorum... catecheses XVIII et V. MDLXIII. 2) ed. Morel, Paris 1564 г. 3) ed. Prevot, Paris 1608. 4) ed. Milles, Oxford 1703 г. 5) Лучшее—Toultée, Paris 1720 г., перепечатано въ Венеціи—Venetiis 1763 г. 6) ed. Reisehl et Rupp, 1848. 7) Migne patr. c. compl. ser. graeca t. XXXIII. На славян. языкѣ въ рук. еще XI в, на соврем. языкъ изд. 1772 Амвросія, 1822 г. Москва, и современный: творенія св. Кирилла Іерусал. Москва. 1855 Есть нѣчто въ Воскресномъ Читеніи (см. по указателю). Помѣщенная въ Хр. Чт. за 1840 г. бесѣда на Срѣтеніе Кирилла не принадлежать.

возвращень Θεодосіемъ въ 378 году, послѣ чего продолжалъ править церковію Іерусалимскою до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 386 г, усильно борясь съ еретиками, аріанами и македонянами. Іеронимъ, Руфимъ, Созоменъ и Сократъ упрекають его въ аріанствѣ, къ чему поводомъ послужило то обстоятельство, что въ первой половинѣ своей жизни Кириллъ дружилъ съ полуаріанами и отъ аріанина принялъ посвященіе во епископа; но постоянныя ожесточенныя преслѣдованія, которымъ онъ затѣмъ подвергался отъ строгихъ аріанъ, показываютъ, что онъ скорѣе держался православія. Онъ принималъ никейскій символъ, но не употреблялъ слова *ὁμοούσιος*, по крайней мѣрѣ оно ни разу не встрѣчается въ его поученіяхъ, какъ и слово *ὁπόστασις*, можетъ быть, какъ предполагаетъ Touttée, изъ опасенія обвиненій въ савелліанизмѣ. Слово *ὁμοούσιος* впрочемъ встрѣчается въ другихъ его сочиненіяхъ, именно въ заключительномъ славословіи въ посланіи къ Констанцію, но подлинность этого мѣста заподозрѣвають ¹⁾. Второю вселенскій соборъ, на которомъ и онъ присутствовалъ, называетъ его „боголюбивѣйшимъ и благоговѣйнѣйшимъ епископомъ, неоднократно подвизавшимся противъ аріанъ“, а блаженный Θεодоритъ называетъ его ревностнѣйшимъ поборникомъ апостольскаго ученія.

Если для сужденія объ образѣ мыслей Кирилла мы имѣемъ достаточно данныхъ въ указаніяхъ исторіи и въ его собственныхъ твореніяхъ, то для того, чтобы составить себѣ понятіе о его образованіи вообще и въ частности о подготовкѣ его къ проповѣди, мы не имѣемъ другихъ указаній, кромѣ содержащихся въ его произведеніяхъ. Изъ катехизическихъ поученій его видно, что онъ превосходно знакомъ съ Свящ. Писаніемъ, а изъ отцевъ Церкви съ Климентомъ Римскимъ и Иринеємъ Ліонскимъ ²⁾, съ Іустиномъ философомъ (сходно съ которымъ онъ объясняетъ ветхозавѣтныя пророчества объ І. Христѣ), съ учеными толковниками Св. Писанія, которыхъ онъ, впрочемъ, не называетъ по имени, съ Евсевіемъ Кесарійскимъ (въ ученіи о

¹⁾ См. Alzog, Patrologie, по французскому переводу, стр. 329, примѣчаніе.

²⁾ См. оглас. поученія XVI, 6; XVIII, 8.

воскресеніи мертвыхъ и др.). Онъ не чуждъ былъ и общаго образованія: опровергая заблужденія язычниковъ и еретиковъ, онъ обнаруживаетъ знаніе миѳологіи, естественныхъ наукъ и діалектики. Замѣчаютъ ¹⁾, что его умственные дарованія не были выдающимися, что остроумія и большой силы сужденія у него было мало и что его богословскую ученость, въ сравненіи съ современными ему извѣстными христіанскими писателями, можно назвать не болѣе, какъ умѣренною; но принимая во вниманіе это замѣчаніе, слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что, по крайней мѣрѣ, его огласительныя поученія были импровизаціями, записанными съ его словъ другими, на что указываетъ повторяющееся въ надписаніи всѣхъ этихъ поученій выраженіе: *σχεδιασθείσα*, терминологически обозначающее проповѣдь безъ приготовленія, болѣе ясное упоминаніе объ импровизаціонномъ происхожденіи ихъ въ нѣкоторыхъ спискахъ поученій ²⁾, а также и то, что кромѣ поученій катехизическихъ, Кириллъ много говорилъ проповѣдей предъ цѣлымъ христіанскимъ обществомъ ³⁾, изъ которыхъ сохранилось въ полномъ составѣ лишь одно—о разслабленномъ,—которыя имѣли, можетъ быть, другой характеръ и давали-бы другое понятіе о его дарованіи къ проповѣдничеству. Самое нарочитое избраніе его для спеціально - проповѣдническаго служенія (*ἀπολουθία τῆς διδασκαλίας τῆς πιστέως* ⁴⁾), указываетъ на то, что Кириллъ былъ личностію, выдающеюся по образованію, по крайней мѣрѣ въ средѣ іерусалимскаго клира.

Изъ произведеній Кирилла, кромѣ „посланія къ царю Констанцію о явившемся въ Іерусалимѣ на небѣ знаменіи креста“ и бесѣды о разслабленномъ при купели Визезда и отрывка изъ бесѣды о претвореніи воды въ вино, представляющихъ образцы проповѣди нравоучительной, изобилующихъ прекрасными частными мыслями, до насъ дошли его огласительныя (*κατηχητικά*) и тайноводственныя (*μυσταγωγικά*) поученія (пер-

1) Paniel, стр. 421.

2) О терминологическомъ значеніи слова *σχεδιασθείσα* см. Migne, patr. c. s. ser. graeca t. LXXXVI col. 406. Также Touttée, pag. CCLXVI.

3) См. напримѣръ поуч. XIV, 24, по русск. изд. стр. 242.

4) Огл. поуч. 14.

выхъ осьмнадцать и вторыхъ пять) и, кромѣ того, одно поученіе предогласительное или предисловіе къ словамъ огласительнымъ. Первыя были сказаны къ крещеннымъ (*βαπτισόμενοι*, *φωτισόμενοι*, *illuminatis*), вторыя къ новопросвѣщеннымъ (*νεοφωτιστοὺς*). Думаютъ (Паниль), что въ древности эти поученія не пользовались большою извѣстностью и распространеніемъ, такъ какъ пять послѣднихъ извѣстными стали спустя лишь два столѣтія послѣ Кирилла. Въ новое время они сдѣлались предметомъ сильныхъ споровъ въ литературѣ. Если одни, какъ Touttée, и вообще писатели католическіе, придавали имъ весьма важное значеніе, другіе, какъ Rifel и вообще протестантскіе богословы, отрицали всякое ихъ значеніе, а извѣстный Уденъ (*Oudin*)¹⁾, кальвинистъ, провозгласилъ ихъ прямо неподлинными. Подлинность ихъ однако оказалась выше всякаго сомнѣнія, такъ какъ они извѣстны были не только Иерониму (каталогъ гл. 112), но также Григорію Богослову, Руфину и др. На основаніи-же содержанія самыхъ поученій опредѣляется не только принадлежность ихъ Кириллу, но и самый годъ произнесенія ихъ. Именно поученія эти произнесены Кирилломъ въ бытность его пресвитеромъ, въ 347 г.²⁾ Произнесъ первое поученіе, предогласительное, предъ началомъ четырехдесятницы этого года, онъ затѣмъ въ продолженіе ея произносилъ по три или четыре огласительныхъ поученія въ недѣлю, въ простые дни на вечернемъ Богослуженіи³⁾, въ незадолго предъ тѣмъ устроенной въ Иерусалимѣ великолѣпной церкви Воскресенія Христова⁴⁾,

1) *Comment. de scriptor.* I, 459.

2) Въ VI огласит. поученіи Кирилла говорить, что Манесъ началъ проповѣдывать свое лжеученіе „за 70 лѣтъ до нашего времени, въ царствованіе Проба“. А Иеронимъ начало манихейства относитъ ко 2 году этого царствованія, т. е. къ 277 г. по Р. Х. $277 + 70 = 347$ г. Другія хронологическія данныя, содержащіяся въ самыхъ поученіяхъ, указываютъ на тотъ-же годъ: огл. XIV, 20 указ. на произнесеніе ихъ послѣ смерти Константина (337 г.), огл. XIV, 14, XXIII, 3 говорятъ о царствованіи его сыновей, какъ времени произнесенія (*οἱ υἱὸν βασιλεῖς*), слѣд. прежде 350 г., когда началъ царствовать уже Констанцій одинъ; далѣе изъ огл. X, 19, а также изъ свидѣт. Сократа II, 41 видно, что поученія говорены во время гоненія на христіанъ въ Персіи отъ Сапора, начавшагося въ 344 г., во время войны Рима съ персами, начавш. въ 346 г. (XV, 6).

3) Поуч. IV; 20; XIV, 27; XV, 33; XVII, 20.

4) Поуч. XIV, 14; XVI, 4.

закончивъ рядъ ихъ въ Великую Субботу. Тайноводственные поученія всѣ сказаны въ продолженіе свѣтлой седмицы ¹⁾ того же года.

Послѣ того, какъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ принадлежности этихъ поученій св. Кириллу, они получаютъ чрезвычайно важное значеніе какъ въ исторіи догматовъ и таинствъ, а равно въ исторіи Богослуженія и обрядовъ, такъ спеціально въ исторіи проповѣди, какъ единственный древнѣйшій въ христіанской литературѣ памятникъ одного изъ главныхъ видовъ учительства древней Церкви, огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій,—того способа, какимъ не вѣдавшіе Христа готовились ко вступленію въ Церковь, а въ цѣломъ своемъ составѣ—какъ полная, живая, наглядная картина апостольской вѣры, культа и всего міросозерцанія древней вселенской Церкви, выраженныхъ устами предстоятеля матери церквей,—церкви іерусалимской. О всемъ богатствѣ содержанія этого драгоценнаго памятника христіанской древности мы здѣсь не можемъ дать должнаго понятія. Подробности догматическаго ученія, общецерковнаго и лично Кириллова, картина религіознаго быта вступающихъ въ Церковь, ихъ поведеніе въ храмѣ и внѣ его, всѣ церемоніи и порядки самаго ихъ принятія, подробное описаніе обрядовъ при совершеніи таинствъ,—описаніе всего этого по оглашеніямъ Кирилла потребовало-бы отъ насъ гораздо большаго мѣста, чѣмъ какое мы можемъ здѣсь ему удѣлить. Поэтому ограничимся лишь общими замѣчаніями. Общую схемой для всѣхъ поученій, въ совокупности исчерпывающихъ всю область христіанскаго ученія въ объемѣ, можетъ быть, нѣсколько больше, чѣмъ какой предполагался необходимымъ для готовящихся къ вступленію въ Церковь, служить древній символъ Іерусалимской церкви, а не Никейскій. Значеніе точнаго знанія символа для вѣрующихъ Кириллъ объясняетъ въ такихъ словахъ ²⁾: „Не всѣ могутъ читать Св. Писаніе: однимъ простота, другимъ занятія препятствуютъ въ приобрѣтеніи знанія его; по-

¹⁾ Поуч. XVШ, 33.

²⁾ Поуч. V, 12, по русс. изд стр. 80—81.

этому, чтобы не погибла какая-либо душа отъ невѣдѣнія, все ученіе вѣры заключаемъ въ немногихъ стихахъ. Желательно, чтобы вы помнили его слово въ слово, повторяли его со всякою рачительностію между собою, хотя и не записывая на бумагу, но начертывая памятью въ сердцѣ, остерегаясь, чтобы во время занятія вашего симъ ученіемъ никто изъ оглашенныхъ не услышалъ преданнаго вамъ; желательно, чтобы сіе исповѣданіе вѣры во всякое время жизни служило для васъ напутствіемъ, и вы кромѣ него не принимали другаго исповѣданія, даже если-бы мы перемѣнили мысли, и стали говорить противное тому, чему учимъ теперь, или если-бы захотѣлъ васъ обольстить ангелъ сопротивный, преобразившись въ Ангела свѣтлаго. А пока запомни самыя рѣченія сего исповѣданія, какія слышишь, а въ свое время выслушивай и подтвержденіе изъ Св. Писанія на каждое заключающееся въ немъ рѣченіе. Ибо изложеніе вѣры не по человѣческому разсужденію составлено, но изъ всего писанія выбрано самое существенное и изъ сего составляется одно ученіе вѣры. Какъ горчичное сѣмя въ маломъ зернѣ содержитъ много вѣтвей: такъ и сіе изложеніе вѣры въ немногихъ словахъ объясняетъ все вѣдѣніе благочестія, заключающееся въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ¹⁾. Кромѣ того или другаго члена символа, проповѣдникъ полагаетъ въ основаніе проповѣди какой-либо текстъ Св. Писанія, изъ котораго предполагаетъ заимствовать объясненіе или доказательство избраннаго члена символа. Этотъ текстъ прочитывается непосредственно предъ проповѣдію съ тѣмъ, чтобы быть тематизирующимъ началомъ ея; но на самомъ дѣлѣ проповѣдникъ рѣдко держится его въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи, давая полную свободу теченію своей мысли, дѣлая много уклоненій въ сторону отъ предмета, часто повторяясь, обильно пользуясь другими мѣстами Св. Писанія ветхаго завѣта, по обычаю своего вѣка усиленно аллегоризируя, стараясь поставить въ связь съ ученіемъ христіанскимъ ученіе ветхаго завѣта, иногда впрочемъ лишь приводя тексты, но оставляя ихъ безъ объясненія¹⁾. Изъ всего этого, какъ одна изъ особенностей вѣдѣ-

¹⁾ Поуч. 16 и 17 о Св. Духѣ.

ней стороны проповѣдей Кирилла, возникаетъ обиліе и плодovitость рѣчи, сообщающія поученіямъ общепонятность и служащія причиной большаго объема поученій, на который и самъ онъ указывалъ, какъ на дѣло необходимости и отчасти, какъ на недостатокъ ¹⁾. Но вообще по виѣшней своей конструкціи поученія Кирилла достаточно стройны, представляя, каждое, обстоятельное раскрытіе своего предмета и предлагая, рядъ относящихся къ нему весьма нерѣдко по истинѣ прекрасныхъ и замѣчательныхъ мыслей. Какъ на лучшія по построенію, почти вполне тематическому, можно указать на поученія о вѣрѣ (поуч. 5-е) и о воскресеніи мертвыхъ (поуч. 14). Самъ проповѣдникъ опредѣляетъ типъ своихъ поученій, какъ оригинальный, отличный отъ гомилій: „тамъ, выслушавши съ нерадѣніемъ одну, можно восполнить упущеніе чрезъ другую. Здѣсь преподаются не увѣщанія, а ученіе, и притомъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что одна бесѣда не восполняетъ, а лишь продолжаетъ другую“ (предогласит. § 11).

По содержанію поученія Кирилла всецѣло догматическія и даже въ тайноводственныхъ поученіяхъ все сводится къ ученію догматическому, — описаніе обрядовъ и правоученіе является лишь эпизодически. Послѣ увѣщанія къ духовному обновленію чрезъ вѣру въ І. Христа (огл. 1-е), проповѣдникъ раскрываетъ ученіе о необходимости и спасительности дѣйствія покаянія (огл. 2), о необходимости и спасительныхъ дѣйствіяхъ крещенія (огл. 3), о главныхъ предметахъ вѣры, исчисляя который, поименовываетъ также каноническія книги Св. Писанія ветхаго и новаго завѣта (огл. 4). Здѣсь-же о свободѣ воли Кириллъ высказываетъ сужденіе, за которое позже его обвиняли въ полупелагианствѣ: „душа свободна, и диаволь, хотя можетъ подущать, но не имѣетъ власти принуждать противъ произволенія“ (IV, 21).— Далѣе слѣдуетъ ученіе о вѣрѣ (поуч. 5), именно сперва о вѣрѣ вообще (§§ 1—9), а потомъ о ея видахъ: вѣрѣ догматической—*τὸ δογματικὸν εἶδος* („соглашеніе души на что-либо“) и о вѣрѣ дѣятельной—*πίστις ἐνεργητική*. Остальныя тринадцать поученій (6—18) объясняютъ по по-

¹⁾ Поуч. XVIII, 17, стр. 337; поуч. XVI, 2, стр. 275.

рядку члены Иерусалимскаго символа вѣры, именно: о единствѣ Божіемъ, о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ (первый членъ символа, поученія 6—9). Въ 8-мъ оглашеніи проповѣдникъ между прочимъ говоритъ, что богатство—золото и серебро—не во власти дьявола, какъ нѣкоторые думаютъ (намекъ на аскетовъ того времени); въ нихъ самихъ нѣтъ зла, но отъ человѣка зависитъ дѣлать изъ нихъ правильное употребленіе. Далѣе выясняется ученіе о второмъ лицѣ Св. Троицы (второй членъ символа—огл. 10-е), о вѣчномъ бытіи Сына Божія и Его воплощеніи,—здѣсь (§ 19) между прочимъ проповѣдникъ именуетъ Божию Матерь Παρθένος-Θεοτόκος—Дѣва-Богородица (огл. 11 и 12),—о плодахъ крестной смерти Иисуса Христа (огл. 13), о первородномъ грѣхѣ (§ 15), о воскресеніи Христовомъ (огл. 14), о второмъ Христовомъ пришествіи и о всемірномъ судѣ (огл. 15—здѣсь-же и объ антихристѣ), о Св. Духѣ (огл. 16 и 17), о Церкви (Церковь называется каѳолическою, потому что она въ цѣлой вселенной, отъ предѣловъ земли до предѣловъ ея, и потому, что во всеобщности и безъ всякаго опущенія преподаетъ всѣ, долженствующіе входить въ составъ человѣческаго вѣдѣнія, догматы о видимомъ и невидимомъ, о небесномъ и земномъ; еще потому, что подчиняетъ благочестію весь родъ человѣческій, и начальниковъ и подначальныхъ, ученыхъ и не ученыхъ; наконецъ потому, что какъ повсемѣстно врачуетъ и исцѣляетъ она всякаго рода грѣхи, совершенные душою и тѣломъ, такъ въ ней-же пріобрѣтается все, именуемое добродѣтелию, какого-бы то ни было рода, и въ словахъ и въ дѣлахъ, и во всякомъ духовномъ дарованіи). Поученіе 18-е излагаетъ ученіе о всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ и о вѣчной жизни (огл. 18). Тайноводственные поученія объясняютъ сущность и обряды таинствъ крещенія, муропомазанія (поуч. 19—21) и евхаристіи (поуч. 22—23). О таинствѣ евхаристіи, по справедливому замѣчанію Беллармина, Кириллъ говоритъ такъ подробно и ясно, что лучше нельзя сказать о немъ и въ наше время ¹⁾. Общій порядокъ при раскрытіи каждаго догмата состоитъ въ томъ, что проповѣдникъ объясняетъ его со стороны

¹⁾ Bellarm. disputat. de controvers. Christ. fidei, lib. II, cap. X m.

какъ положительной, такъ и отрицательной, т. е. излагаетъ и опровергаетъ заблужденія, относительно его, неправомыслящихъ, потомъ излагаетъ и объясняетъ положительное ученіе Церкви о догматѣ, извлекая его *исключительно* изъ Св. Писанія, объясняя своими соображеніями, разрѣшая возраженія противниковъ и оканчивая каждое поученіе славословіемъ Св. Троицы. О Св. Писаніи, какъ необходимомъ источникѣ вѣроученія, онъ говоритъ многократно и съ особенною настойчивостію. „Ни одной бож. тайны не должно предлагать безъ Св. Писанія“. „Если на каждый предметъ не услышишь свидѣтельства пророковъ, не вѣрь словамъ“ и т. д. ¹⁾ Изъ отцевъ Церкви онъ заимствуетъ лишь или историческія свидѣтельства объ ученіи еретическомъ (упоминаніе объ Иринеѣ, огл. XVI, 6), или сравненія (изъ Климента о фениксѣ, XVIII, 8). Изъ другихъ доказательствъ онъ болѣе любитъ сравненія изъ природы. Всѣ вообще доказательства Кирилла убѣдительны и сильны за немногими исключеніями, къ числу которыхъ относится, напримѣръ, возраженіе его іудеямъ, отрицавшимъ рожденіе Иисуса отъ Дѣвы, состоящее въ томъ, что и Ева произошла отъ мужчины безъ содѣйствія жены (поуч. 12) ²⁾, а также рассказъ о фениксѣ (огл. 18). Прекрасно опровергаетъ онъ (подобно Ефрему Сирину и Евсеію Кесарійскому въ его libri de resurrectione) возраженіе язычниковъ и самарянъ противъ воскресенія мертвыхъ, основанное на томъ, что мертвыя тѣла сгниваютъ. „Для человѣка, существа весьма малаго и немощнаго, далека Индія отъ Готѣи и Испанія отъ Персіи; а для Бога, содержащаго всю землю горстію (Ис. XL, 12), все близко. Судя по своей немощи, не усвой безсилія Богу, а вспомни о Его всемогуществѣ. Солнце, будучи малымъ дѣломъ Божіимъ, однимъ прираженіемъ своихъ лучей согрѣваетъ весь міръ; воздухъ, сотворенный Богомъ, объемлетъ собою все въ мірѣ: ужели Богъ, создатель солнца и воздуха, далеко отстоять отъ міра? Предположи, что разныя сѣмена находятся въ смѣшеніи въ твоей горсти; трудно-ли и тебѣ, человѣку, отдѣ-

¹⁾ См. огл. V, 12; IV, 13, 35—36; XII, 5; XVI, 12; XVII, 1.

²⁾ Объ этомъ возраженіи мы находимъ впрочемъ упоминаніе также и у Ефрема Сирина въ словѣ 1-мъ на Рождество Христово (см. Хр. Чт. 1840 г. т. I).

лить одно сѣмя отъ другаго и каждое отложить къ своему роду? Ужели-же, если ты въ состояніи отличить въ смѣшеніи каждый видъ одинъ отъ другаго, Богъ не возможетъ возставить объемлемое дланію Его“? ¹⁾ О еретикахъ, іудеяхъ, язычникахъ, самарянахъ Кириллъ говоритъ, по обычаю своего времени, всегда въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Языкъ всѣхъ поученій простой, ясный и живой.

Какъ на одно изъ слабыхъ мѣстъ въ поученіяхъ Кирилла можно указать на объясненіе проповѣдникомъ того, почему благодать крещенія сообщается чрезъ воду. Можетъ быть достаточно было-бы указать, что вода—всѣмъ видный и извѣстный символъ той нравственной чистоты, которая обязательна для христіанина. Проповѣдникъ-же говоритъ (огл. III, 5, стр. 41): „вода есть нѣчто великое и наилучшее изъ четырехъ видимыхъ стихій міра. Мѣсто обитанія Ангеловъ небо, а небеса—изъ воды. Мѣсто жительства людей земля, но и земля—изъ воды. Прежде шестидневнаго устроенія тварей Духъ Божій носался верху воды. Начало міра—вода, а начало Евангелія—Иорданъ. Свобода Израилю отъ Фараона дана моремъ, свобода міру отъ грѣховъ дается банею водною въ глаголь. Гдѣ завѣтъ съ кѣмъ-либо, тамъ и вода. Завѣтъ съ Ноемъ утверждень послѣ потопа, завѣтъ съ Израилемъ на Синаѣ, но съ водою (Евр. 9, 19). Исаія вземлется, но и здѣсь вода, ибо сперва перешелъ Иорданъ, а потомъ уже на колесницѣ восходитъ на небо. Архіерей сперва умывается, потомъ приноситъ жертву и въ скинии была умывальница, какъ символъ крещенія“.

Для знакомства съ Кирилломъ, какъ проповѣдникомъ, приводимъ часть его бесѣды о разслабленномъ, представляющей образецъ, такъ называемой нынѣ аналитической бесѣды (Златоустовской), типа проповѣди, которая во время Кирилла еще не приобрѣла полного господства, уступая первенство безусловно господствовавшей до того времени строго экзегетической гомилии Оригеновской: ея отличительная черта состоитъ въ томъ, чтобы, толкуя стихъ за стихомъ библейскаго отрывка, извлекать

¹⁾ Огл. XVІІІ, 2, 3, стр. 326. Не можемъ не указать на сходство этого поученія Кирилла съ libri de resurrectione Евсевія Кесарійскаго.

изъ каждаго слова уроки нравоученія, вмѣсто филологическихъ и другихъ какихъ-либо герменевтическихъ разсужденій.

„Гдѣ явится Иисусъ, тамъ и спасеніе. Видитъ-ли мытаря, сидящаго на мытницѣ,—дѣлаеть его апостоломъ и евангелистомъ. Погребень-ли съ мертвыми, воскрешаетъ мертвыхъ. Стѣпымъ даруетъ зрѣніе, глухимъ слухъ. И купели обходитъ, не зданіе осматривая, но исцѣляя больныхъ... Была во Иерусалимѣ овчая купель; пять притворъ изнутри, четыре вокругъ и пятый въ срединѣ. Въ ней лежали множество больныхъ; но велико было и невѣріе іудеевъ. Исцѣлитель-же и врачъ душъ и тѣлъ мѣрою подавалъ исцѣленія; врачуетъ сперва много лѣтъ болѣвшаго, чтобы его скорѣе освободить отъ страданій. Не день и не два, даже и не первый годъ, но тридцать восемь лѣтъ пришлось ему лежать. Страдая продолжительною болѣзнію, онъ извѣстенъ былъ зрителямъ и показалъ всѣмъ силу Врачующаго. Всѣ знали разслабленнаго по давности, а великій Врачъ, хотя и показалъ силу Свою, но былъ отвергаемъ пріемлющими его съ худымъ расположеніемъ. Обходя купель, Онъ видитъ не вопросами дознавшись, но Божественною силою восполняетъ, что нужно было узнать.

„Видѣвъ, не спрашивая съ какого времени лежитъ, но видѣвъ, узнаеть сіе вѣдавшій прежде, нежели видѣлъ. Ибо если о томъ, что на сердцѣ, *не требоваше да кто спроситъ о человѣкѣ* (Іоан. 16, 30), *Самъ бо вѣдаше, что въ человѣкѣ*, тѣмъ паче зналъ о болѣзняхъ, приходящихъ отъ нѣ. Видитъ онъ человѣка, обремененнаго весьма тяжкою болѣзнію; ибо великое было бремя грѣховъ его, и долговременно болѣзненное страданіе. Предложенный болящему вопросъ какъ-бы выражаетъ его желаніе: *хочешь ли цѣль быти?* И не сказалъ ничего болѣе, но оставилъ при обоюдномъ разумѣннн вопроса, котораго смыслъ былъ двоякій. Поелику не тѣломъ только, но и духомъ страдалъ разслабленный, согласно съ сказаннымъ ему впоследствии: *се здравъ еси, ктому не сопримай*, — то спросилъ его: *хочешь ли цѣль быти?* Какая великая сила Врача, Который помощь предоставляет хотѣнію! Поелику спасеніе отъ вѣры, то и сказано разслабленному: *хочешь ли*, чтобы за хотѣніемъ послѣдовало дѣйствіе. Изрѣчь это могъ только Иисусъ; врачи

тѣлесные не въ силахъ сказать сего; врачи обыкновенные не могутъ говорить: *хощеши-ли цѣль быти?* Иисусъ и хотѣние даруетъ, и вѣру приемлетъ, и даръ даетъ безмездно. Спаситель проходить нѣкогда путемъ. и сидѣли два слѣпца, которые не видѣли тѣлесно, но имѣли просвѣщенный умъ. Ибо кого не познавали книжники, того указывали вопіявшіе слѣпцы. Фарисеи, изучавшіе законъ, упражнявшіеся въ немъ съ дѣтства до старости и состарѣвшіеся въ невѣжествѣ, говорили: *сего не вѣдѣемъ, откуда есть, ибо во своя пріиде, и свои Его не пріяша;* а слѣпцы вопіяли: *помилуй ны, сыне Давидовъ!* И кого не узнали изучившіе законъ, того познаци не имѣвшіе и очей, чтобы читать. Спаситель сказалъ имъ: *въруеши-ли, яко могу сія сотворити? Что хощете, да сотворю вамъ?* Ибо онъ творецъ и жизнедавецъ, и не теперь началъ творить. Отецъ Его всегда дѣлаетъ и Онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ Отцемъ, и по мановенію Отца есть творецъ всяческихъ. Онъ, Единный отъ Единаго, непосредственно рожденный, вопрошаетъ слѣпыхъ: что хощете, да сотворю вамъ,—вспрашиваетъ не потому, что не знаетъ, чего хотятъ, но для того, чтобы сообразно съ словомъ ихъ дать имъ даръ, и чтобы они оправдались отъ своихъ словесъ. Вѣдущій сердца безъ сомнѣнія зналъ, что будетъ сказано, но ожидалъ слова, чтобы вопросъ привлекъ дѣйствіе. Такъ явившись и къ сему разслабленному и предлагая Свою помощь недужному,—ни мало неудивительно, что пришелъ къ лежащему при купели, когда снисшелъ съ небесъ, чтобы предложить Свою помощь всѣмъ намъ,—Врачъ вопрошаетъ его: *хощеши-ли цѣль быти?* Больной, нашедъ добровольно прішедшаго къ нему Врача, говоритъ Ему: „*Ей Господи. Долго-временность страданій моихъ дѣлаетъ вождѣлѣннымъ для меня здравіе; желаю быть здоровымъ, но челсѣвка не имамъ*“. Не унывай человѣкъ, что не имѣешь ты человѣка, предъ тобою предъстоитъ Богъ. Ибо должно исповѣдать и то и другое. Нѣтъ пользы въ исповѣданіи человѣчества, когда не исповѣдуются Богъ. Поэтому и мы, если надѣясь на Иисуса, надѣемся на человѣка, не присоединяя къ надеждѣ своей и Божества, то наслѣдуемъ клятву. Нынѣ-же исповѣдуемъ и Бога и человѣка, то и другое исповѣдуемъ истинно; дѣйствительно поклоня-

ясь Богу, рожденному отъ истиннаго Отца, и человѣку, не мечтательно, но въ самой дѣйствительности родившемуся, ожидаемъ истинное спасеніе. *Хочу иплъ быти, но чловѣка не имамъ.* Многіе недужные имѣли свои дома, а также знакомыхъ или кого другаго. А этотъ подлинно угнетенный, не имѣя никакой возможности получить помощь отънѣ, оставленный въ совершенномъ одиночествѣ, возымѣлъ помощникомъ едиnorodнаго Сына Божія... *да егда возмутится вода ввержетъ мя въ купель.* Но ты имѣешь у себя источникъ, яко у Тебе источникъ живота. Если кто испіетъ отъ сея воды, *рѣки отъ чрева его истекуть воды,* текуція въ животъ вѣчный, п. ч. Иисусъ источникъ благъ. И чего ждешь отъ купели? Съ тобою Тотъ, Кто ходитъ по водамъ, запрещаетъ вѣтрамъ, укрощаетъ море, не себѣ только постилаетъ море, какъ твердую опору, но и Петру даровалъ силу ходить по водамъ. Такъ при водахъ купели предстоялъ укротитель и творецъ водъ. Ему говоритъ разслабленный: *чловѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купель.* Спаситель говоритъ ему: для чего ждешь возмущенія водъ? Уврачуйся невозмутимо. Повелѣніе исполняется по слову скорѣе мановенія. Всмотрись только въ дѣйственность источника, познай во плоти видимаго Бога, зриай не на видимое, но на совершаемое видимымъ. Возстани, изрекаю тебѣ воскресеніе. Ибо Спаситель вездѣ и для всѣхъ бываетъ всемъ; для алчущихъ—хлѣбомъ, для жаждущихъ—водою, для мертвыхъ—воскресеніемъ, для недужныхъ—врачемъ, для грѣшниковъ—искупленіемъ. Но сперва возстань, свергни съ себя недугъ, а потомъ восприми крѣпость вѣры. Иудеи говорили: *суббота есть и не достоинъ ти взяти одра своего.* Здѣсь Самъ Законоположникъ, а Ему говорятъ: *недостоитъ ти.* Исцѣленный-же душею и тѣломъ, у Премудрости заимствовавъ мудрое слово, немедленно отвѣтствуетъ: *всѣ вы знаете долговременную болѣзнь мою, знаете сколько лѣтъ бѣдствовалъ я въ одиночествѣ; никто изъ васъ не показалъ заботливости обо мнѣ, чтобы ввергнуть перваго въ купель.* Почему-же теперь приняли на себя законодательную власть, говоря: *не достоинъ ти?* Если презираете меня, то зирайте на самое дѣло; ни пластыря не прилагалъ, ни другихъ не употреблялъ врачевныхъ средствъ, но изрекъ

слово и послѣдовало дѣло, повелѣлъ, исполнено повелѣніе..... *Исцѣлитель-же не вѣдая, Кто есть.* Изъ сего видно, какъ далеко былъ отъ тщеславія Спаситель: исцѣливъ, Онъ удалился, чтобы не приобрести извѣстности. А мы поступаемъ совершенно напротивъ: если случится видѣть сонъ, или оказать помощь возложеніемъ рукъ, или призваніемъ имени Божія, изгнать бѣса—не только не скрываемъ дѣла, но и хвалимся, когда и не спрашиваютъ... Когда народъ разошелся, тогда, чтобы къ тѣлесному исцѣленію присоединить и врачеваніе душевное, приходитъ и говоритъ: *се здравъ, къ тому не согрѣшай.* Различно поступаетъ врачъ: иногда сперва врачуетъ душу, а потомъ тѣло, иногда сперва врачуетъ тѣло, а потомъ душу. *Къ тому не согрѣшай, да не горше ти будетъ.* Этими словами, научая одного, учитъ многихъ. Ибо не къ нему одному идетъ это слово, но и ко всѣмъ намъ. Если подвергнемся когда страданіямъ или нуждамъ и печалямъ, никто да не вмѣняетъ сего Богу. *Ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.* Всякій человѣкъ, да слышитъ сказанное. Кто прежде блудодѣйствовалъ, пусть отложитъ страсть. Кто любостяжатель, пусть сдѣлается милостивымъ. Да слышитъ хищникъ: къ тому не согрѣшай. Велико непамятозловіе Божіе! Преизобильна благодать! Но безмѣрнаго долготерпѣнія Божія не обращай въ поводъ къ презорству; не грѣши по той причинѣ, что Богъ долготерпѣливъ. Исцѣлись, наконецъ, отъ плотскихъ страстей и самъ скажи нынѣ чтенное: *егда бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ.* Если-же апостоль говоритъ: *егда бѣхомъ во плоти,* то разумѣетъ не тѣло, въ которое мы облечены, а дѣла плотскія. Посему никто да не будетъ во плоти, но и во плоти пребывая, да не ходитъ во плоти. Апостоль не о томъ говоритъ, что мы должны совершенно удаляться отъ міра, чтобы не дѣлать дурнаго, но, чтобы во плоти пребывая, поработали плоть и не были у нея въ подчиненіи. Будемъ не раболѣпствовать ей, а владѣть ею. Пищу станемъ употреблять умѣренно, не чревоугодію предаваясь, но обуздывая чрево, чтобы владѣть и тѣмъ, что отъ чрева. Тѣло да будетъ въ подчиненіи у духа, а не духъ увлекается плотскими удовольствіями. Къ тому не согрѣшай, да не горше ти

что будетъ. Всѣмъ проповѣдуемъ слово сіе: о, если-бы слышало это всякое ухо! Ибо не всякій плотскій слухъ, пріемля слово, пріемлетъ оное и въ разумъ, почему и Спаситель, бесѣдуя съ имѣвшими плотскій слухъ, говорилъ: имѣя уши слышати, да слышать. Поэтому да послушаетъ всякій Иисуса и къ тому да не согрѣшаетъ. Притечемъ-же къ Тому, Кто прощаетъ грѣхи. И если мы недужны, къ Нему прибѣгнемъ. Если болѣзнуемъ душею, послѣдуемъ за Врачемъ вѣдѣнія. Если алчемъ, пріимемъ хлѣбъ. Если стали мы мертвы, воспріемлемъ воскресеніе, если состарѣлись въ невѣденіи, у Премудрости испросимъ себѣ мудрости.

„Но слово завлекло насъ къ тому, что мы продлили слово и можетъ быть воспрепятствовали тѣмъ отеческому поученію ¹⁾. Время же призываетъ къ слышанію высшихъ глаголовъ, чтобы воспользовавшись высшими наставленіями, самыми дѣлами возслали мы славословіе Богу. Ему слава и нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Эта бесѣда Кирилла, которую мы передали здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, вопреки мнѣнію Паниля, какъ намъ кажется, даетъ вовсе не дурное понятіе какъ о достоинствѣ мыслей проповѣдника, такъ и о его проповѣднической манерѣ. Дурно, можетъ быть, записанная, она тѣмъ не менѣе представляетъ зачаточный экземпляръ того типа, блестящимъ представителемъ котораго потомъ явился Златоустъ, т. е. типа гомилии по методу всецѣло аналитической, по содержанію лишь въ деталяхъ догматической, а главнымъ образомъ нравоучительной.

Геласій епископъ Кесарійскій ²⁾.

Онъ былъ племянникъ св. Кирилла Іерусалимскаго; въ 360—368 г. помимо народной воли былъ избранъ въ епископа Ке-

¹⁾ Т. е. поученію епископа. Изъ этого замѣчанія видно, что слово произнесено въ бытность Кирилла пресвитеромъ.

²⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Еutihаній* Кипр. haeres. 73, с. 37; *Іеронимъ* каталогъ гл. 130, по русс. изд. твор. Іеронима т. V, стр. 342; *Θεοδωριτѣ* цер. ист. V, 8; *Cave t. I*, p. 274; *Schröck. Kirch. Gesch. Th. XII*, 467.

сарии Палестинской, но скоро свергнуть арианами; позже опять получилъ епископскую кафедру и въ 381 г. присутствовалъ на вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ. Скончался въ 395 г. Θεодоритъ усвояетъ ему названіе *θαυμάσιος*—достоудный, но за ораторскій-ли талантъ усвоено ему это названіе, по недостатку данныхъ, нельзя сказать съ рѣшительностію. Иеронимъ говоритъ о немъ: „Геласій... замѣчательный тщательно обдуман-нымъ и обработаннымъ изложеніемъ своихъ мыслей, говорятъ, написалъ нѣкоторыя сочиненія, но скрываетъ оныя“ ¹⁾. Отъ него остались всего лишь два небольшихъ фрагмента: одинъ въ нѣсколько строкъ—изъ „похвального слова“ (по Θεодориту: *πανηγύρις*) на явленіе въ міръ І. Христа, другой изъ „слова“ (*λόγος* по Θεодориту) на Божоявленіе. Этотъ послѣдній читается такъ: „онъ былъ связанъ, уязвленъ, распятъ, мученъ, бѣенъ тростию, прободенъ копіемъ. Все это претерпѣла рожденная Маріею плоть, но рожденное отъ вѣчности Отцемъ не могло быть никѣмъ уничтожено—*τό δέ πρό αἰώνων ἐκ πατρός γεννηθέν οὐδεὶς ἠδύνατο βλάψαι*. Да это и не въ природѣ Слова. Ибо, какъ связать Божество? Какъ уязвить Его? какъ изъ безтѣлеснаго существа излить кровь? какъ заключить его во гробъ? Посему признай, что ты не можешь уничтожить Его, что Онъ существуетъ по силѣ Слова и чести Божества“. Если на основаніи этого отрывка можно дѣлать предположенія о содержаніи и характерѣ проповѣди Геласія, то слѣдуетъ сказать, что она имѣетъ догматико-полемическое содержаніе и ораторскій характеръ изложенія, соотвѣтственно главной потребности и характеру его времени и его паствы.

¹⁾ Каталогъ, гл. 130, по русс. изд. твор. Иеронима т V, стр. 342.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru